

Ростовский областной музей краеведения
Южный федеральный университет
Ростовская региональная общественная организация
«Нахичеванская-на-Дону армянская община»
Администрация Мясниковского района Ростовской области

**Мариэтта Сергеевна Шагинян
(1888–1982)**

М.С. Шагинян и ее современники

**Материалы VI Шагиняновских чтений
5–6, 12 апреля 2019 года**

Ростов-на-Дону
Фонд науки и образования
2019

УДК 82-1/-9
ББК 84
Ш 15

Организаторы чтений:

Ростовский областной музей краеведения
Южный федеральный университет
Ростовская региональная общественная организация
«Нахичеванская-на-Дону армянская община»
Администрация Мясниковского района Ростовской области

Ш 15 М.С. Шагинян и ее современники: материалы VI Шагиняновских чтений. (5–6, 12 апреля 2019 г. Ростов-на-Дону – Чалтырь) Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования. – 112с.

ISBN 978-5-907231-11-5

В сборнике публикуются приветствие, доклады и сообщения участников VI Шагиняновских чтений. В них рассматриваются проблемы труда, нравственных уроков, религиозных исканий, поэтической и литературной деятельности в творчестве Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Материалы VI Шагиняновских чтений могут быть интересны филологам, историкам, краеведам, всем почитателям творчества М.С. Шагинян.

ISBN 978-5-907231-11-5

© Оформление «Фонд науки и образования», 2019

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ VI ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ

На базе отдела «Музей русско-армянской дружбы» Ростовского областного музея краеведения научно-практическая конференция «Шагиняновские чтения» проводится уже шестой год. Все эти годы проведение конференции было бы невозможным без всестороннего участия в ее подготовке РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» и лично руководителя общины, депутата Законодательного собрания Ростовской области Арутюна Арменаковича Сурмаляна, за что Ростовский областной музей краеведения выражает ему особую признательность.

Уже стало правилом, что конференция проходит в два этапа. Один этап традиционно проводится в «Музее русско-армянской дружбы», второй этап – за пределами музея, чаще всего у наших коллег из Мясниковского района Ростовской области в поселке Чалтырь. В 2016 году при поддержке Министерства культуры Республики Крым 2-й этап конференции был проведен в поселке Коктебель на базе историко-культурного, мемориального музея-заповедника «Киммерия Волошина».

В этом году тема конференции – «Мариэтта Шагинян и ее современники» – вызвала такой интерес, что конференция впервые проводится в 3 этапа. Два из них – 5–6 апреля в «Музее русско-армянской дружбы», а заключительный этап – 12 апреля в историко-этнографическом музее Мясниковского района Ростовской области.

Спасибо администрации Мясниковского района, всем педагогам, организовавшим активное участие в конференции учащихся образовательных учебных заведений Ростовской области.

Отдельная благодарность нашим коллегам-преподавателям высших учебных заведений области, которые уже шестой год входят в состав организационного комитета и активно участвуют в проведении Шагиняновских чтений.

К сожалению, весной 2019 года случилось печальное событие. Ушел из жизни профессор Николай Степанович Авдулов, бессменный председатель организационного комитета «Шагиняновских чтений», который буквально вернул из забвения имя

Мариэтты Сергеевны Шагинян. Ростовский областной музей краеведения в лице Николая Степановича потерял близкого друга и соратника. Уверена, что и после его ухода из жизни «Шагиняновские чтения», у истоков которых он стоял, будут также регулярно проводиться.

Издание сборника докладов и сообщений, заслушанных на «VI Шагиняновских чтениях» 2019 года, является еще одним доказательством продолжения традиций дружбы народов, которую в своем творчестве ярко отразила Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Директор Ростовского областного музея краеведения,
член Президиума Союза музеев России,
заслуженный работник культуры Российской Федерации

Г.Н. Куликова

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВИЧА АВДУЛОВА

Почитатели творчества выдающегося писателя Мариэтты Сергеевны Шагинян понесли тяжелую утрату. 14 мая 2019 года скончался Николай Степанович Авдулов, кандидат исторических наук, профессор, инициатор и организатор ежегодных «Шагиняновских чтений».

С давних времен Н.С. Авдулова привлекало литературное творчество М.С. Шагинян, наполненное пронзительной верой в светлое будущее, в необходимость перестройки общества на справедливых началах, исполненное глубиной художественного постижения сложных, противоречивых процессов обновления мира. Литературное наследие М.С. Шагинян – талантливого писателя, мыслителя, поэта, публициста в постсоветский период незаслуженно выпало из активного оборота общественной мысли. Н.С. Авдулов в 2013 году возглавил оргкомитет ученых-единомышленников, энтузиастов. Под его руководством и при непосредственном участии проведено шесть «Шагиняновских чтений» (г. Ростов-на-Дону, пос. Чалтырь Ростовской области, пос. Коктебель в Крыму), издано шесть сборников произведений М.С. Шагинян, пять книг с материалами этих конференций.

В «Шагиняновских чтениях» принимают участие ученые, преподаватели вузов, учителя, краеведы, музейные работники, студенты, школьники. Эти «Чтения» стали заметным событием научной и культурной жизни Донского региона.

Николай Степанович Авдулов заражал нас своим гражданским темпераментом, творческой энергией, примером трудолюбия и принципиальности, интеллектуального мужества в постижении сложных проблем социального бытия.

Светлая, благодарная память об этом замечательном человеке всегда будет с нами. Наш долг – продолжить начатое Н.С. Авдуловым благородное дело изучения и пропаганды богатейшего литературного наследия Мариэтты Сергеевны Шагинян.

*Члены Оргкомитета «Шагиняновских чтений»
г. Ростов-на-Дону*

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ VI «ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ»

**Первый день
5 апреля 2019 г.**

**Музей русско-армянской дружбы,
г. Ростов-на-Дону, пл. Свободы, 14/2**

А.В. Белов

М.С. ШАГИНЯН О НАРОДНОМ ВОСПРИЯТИИ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА (к 220-летию со дня рождения великого русского поэта)

На долгую творческую жизнь Мариэтты Сергеевны Шагинян (1888–1982) выпало два юбилея Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837). Если к 100-летию со дня рождения великого русского поэта Мариэтте было всего одиннадцать лет, то 100-летие со дня гибели А.С. Пушкина она встретила уже известной журналистской. К 1937 году было издано первое в стране академическое издание произведений А.С. Пушкина. Когорта пушкинистов исследовала каждую строчку, каждый пропуск, каждый нюанс в жизни и творчестве А.С. Пушкина. Поскольку виной гибели поэта была дуэль, постольку с уст соотечественников не сходило имя Дантеса. По радио нескончаемо звучали пушкинские стихи. Подмостки театров и радиоэфир были наполнены голосами чтецов и певцов: А.В. Неждановой, Н.А. Обуховой, М.О. Рейзена, Н.П. Смирнова-Сокольского, В.Н. Яхонтова и других лучших артистов страны [1, с. 176].

Юбилейные события 1937 года для М.С. Шагинян, корреспондента «Правды», совпали с ее командировкой в Ульяновск. Там, в двадцати километрах от областного города в особенно ничем не примечательном селе Кременки в 500 дворов колхозники провели конференцию, посвященную памяти поэта. Таких конференций по всем колхозным клубам в тот год устраивалось

немало. Только кременские местные газетчики, «чередуюсь, с карандашом в руках, успели ее почти всю записать дословно». Поэтому, «изучая» ее материалы, М.С. Шагинян предложила «посмотреть и послушать» – «как читает колхозник Пушкина и *что* именно он в нем схватил и выделил» [2, с. 10], да и сравнить «новое чтение» пушкинских стихов советским колхозником хотя бы «с пресловутыми исследованиями «Медного всадника» Мережковского или с анализом «Пиковой дамы» Гершензона, где мистически мрачное, роковое, суеверное, безнадёжное смакуется и провозглашается глубиной в Пушкине!» [2, с. 18-19].

Как родилась идея проведения пушкинской конференции в Кременках? Сама идея «колхозного пушкинизма» родилась следующим образом. Школьники «проходили в классе Пушкина», а по вечерам его стихи они «читали вслух родителям»; на подобные чтения «стали сходиться соседи», для удобства «читку перенесли в избу-читальню». А там, в конце концов, всем миром и решили для «развития колхозного пушкинизма» к столетию со дня смерти великого поэта «созвать конференцию в своем клубе и сообща потолковать о поэте».

Как оформилась программа конференции? Тему первого доклада «Жизненный путь Пушкина» предложил А.Д. Аверьянов, заведующий избой-читальней, человек уже не молодой, читавший в своей жизни произведения А.С. Пушкина, и даже знакомый с работой Ю.Н. Тынянова о жизнедеятельности поэта. Вошел в программку доклад главного сельского книжочка П.К. Синявина о творчестве А.С. Пушкина, положившем начало народной русской литературе и ставшем достоянием народа. В числе местных «пушкинистов» оказались и самые занятые колхозники-партийцы: председатель колхоза Н.И. Егорычев с докладом «Деревня пушкинских времен и социалистические Кременки» и председатель сельсовета Вятсков, которые «не набирали знаний», а «организовывали людей на селе и полевом стане», и хотя оба не читали Пушкина «от доски до доски», все же при подготовке конференции «им оказалось очень легко взять тему и обдумать доклад», найти у Пушкина интересные места, истолковать их «свежо и по-своему». Перед самой конференцией в

избу-читальню ввалился «местный» поэт – Карпов, уязвленный, что его не позвали на готовящееся мероприятие. Этот пожилой человек, опершись на палку, наизусть продекламировал пушкинскую «Полтаву», затем вдруг заговорил собственными ямбами. Конечно же, Карпова включили в программу конференции, и на ней он читал стихи своего собственного сочинения, посвященные А.С. Пушкину. В программу включили еще выступления мальчика Шуры Маврина из колхозных ребят и двух местных учителей, тех же колхозников, «питомцев Ульяновского педагогического института» [2, с. 12].

И вот в зал бревенчатого колхозного клуба набилось человек 600 (не меньше!), т.е. практически каждый двор села Кременки делегировал на конференцию по одному представителю, и, чтоб послушать речи о любимом поэте, стояли они плечом к плечу; ясное дело – стульев-то не хватило! А еще клуб вместил гостей из соседних сел и колхозов, приехали и горожане.

Известно, что впервые биография А.С. Пушкина явилась нам в надгробном слове М.Ю. Лермонтова. Сто лет это слово «звучало правильно»; по нему «мы давали выход *горечи*», следили, как «шаг за шагом поэт *погибал*», указывали на «*темные силы*, служившие его гибели, загонявшие его на смерть. Биография Пушкина была для русских людей биографией трагической [2, с. 13].

Первым свою речь «без текста, без всякой бумажки в руках» произнес Аверьянов. Биографию поэта он начал с того, где тот родился, кто его родители. И далее: «Между собой говорили только по-французски. Свой родной язык считали *подлым*. Если б не нянька, Арина Родионовна, из наших, из крестьян, пропал бы Пушкин Александр Сергеевич для народа. Нянька обучила его правильной речи, дала ему понятие, как народ живет и чем дышит» [Там же]. А после фразы: «Готовили из него крупного чиновника, а хватъ – вышел народный поэт. И не знал царь, что теперь делать с Пушкиным», все, находящиеся в клубе и сидевшая здесь же М.С. Шагинян не могли не задуматься, – как же богато и счастливо прожил свою жизнь А.С. Пушкин в сравнении с людьми его круга! «Сколько мест изъездил, народу перевидал», и вообще «какая же силища была этот Пушкин!» Аверь-

янов продолжал выявленное им основное противоречие между царем и поэтом: «Царь пытается так и этак сжить Пушкина. А Пушкин пишет и пишет. Видя, что ссылками не покорить Пушкина, царь принялся с другого конца. Вызвал его к себе и говорит: я тебе прощаю вольность твоего юношества. Буду сам твоим цензором. Думал царь – перейдет поэт на его сторону. Но Пушкин и на эту удочку не пошел. Хоть он и был дворянин, хоть царь и пожаловал ему чин, но не удалось заполнить поэта, направить его мысли» [2, с. 14].

И на смерть поэта докладчик взглянул с другой, с более понятной ему стороны: «Тут царь Николай разгневался, но прямо напасть на Пушкина не решался. А царские прислужники наняли проходимца, ... тот и побился с Александром Сергеевичем на дуэли... Так *по-глупому* сто лет назад тридцати семи лет от роду и погиб человек» [2, с. 14-15], – убежденно заключил первый колхозный оратор.

«Правильно ли передал биографию Пушкина колхозник? А почему же нет?» – задавалась вопросами М.С. Шагинян. И сама себе же отвечала: «Судьба Пушкина *не только* трагична». И эта трагичность передана докладчиком «сильно, искренно». Поэтому, считала она, «биография, данная колхозником, тоже правильная, но это *новая* и более *полная* биография» [2, с. 15].

«Помещик аккуратно записывал в дневник, какая нынче погода и какой из крепостных был на сегодняшний день бит. Картина яркая, товарищи», – начал свой доклад цитатой из «Истории села Горюхина» так же убежденно, сильно, искренне, так же имевший кое-что «сказать от души» председатель колхоза, привыкший сопоставлять и воспитанный на чувстве разницы двух социальных миров. Колхозный лидер Н.И. Егорычев говорил о людях родного села, апеллируя к прошлому: «как мы раньше, помните, товарищи, батрачили на своих кулаков Ершова и Рябова», а теперь «труд стал иным». «Мы позором считаем, что у нас еще тридцать восемь неграмотных, а ведь раньше поголовно вся деревня была неграмотная!» И какие выросли люди: «Вы знаете товарища Завороткина, помощника командира полка по политчасти? Он окончил высшую политическую школу. Мог ли раньше крестьянин мечтать об этом? А Миша Сазонов? Был ба-

трак, а теперь учитель средней школы... А наш колхозник Александр Алексеевич Безруков стал летчиком и полетел!» Но вот Н.И. Егорычев от творчества А.С. Пушкина переходит «к проигрыванию крестьян целыми деревнями в карты, к обмену их на собак, к тому, как заставляли женщин кормить грудью щенков», – да что далеко ходить: «Вы, должно быть, знаете, что дед нашего председателя совета был сослан в Вятку. Его настоящая фамилия Кузьмин, а с тех пор за ним закрепилась кличка Вятсков». И чем больше говорил Н.И. Егорычев о предметах, словно бы к А.С. Пушкину не относящихся, тем яснее было слушателям, что и он *по-новому* прочел поэта. Глубина А.С. Пушкина – глубина жизни. «Новый, молодой, сильный социальным, сильный политическим чувством человек стал читателем Пушкина, – констатировала М.С. Шагинян. – И личности колхозника Пушкин открылся полнее, колхозник воспринял его непосредственнее», найдя в нем опору для «своего культурного роста» [2, с. 16-17].

В свое время принципиально по-новому был прочитан А.С. Пушкин в статьях В.Г. Белинского. Страсть и доказательность статей В.Г. Белинского покоились на анализе «*живого действия* пушкинского наследства в его *практическом* жизненном обращении». Они выросли из потребности нового чтения А.С. Пушкина разночинной интеллигенцией, а этот новый читатель видел «*дальше*, чем видели его самые образованные предшественники», и видел в них *глубже* а, главное, видел в них нечто *новое* по тем временам. Статьи В.Г. Белинского и Д.И. Писарева определили акценты в чтении произведений А.С. Пушкина на сто лет вперед. Но вот с появлением нового человека труда «обнажились корни пушкинской тематики, заметно стало, какие корешки от нее куда ответвились. Словом, появилось новое чтение Пушкина», – констатировала М.С. Шагинян, призывая «прислушиваться к тому, как эти тексты читает новый в нашей стране человек, что он из них вычитывает и как он ими жизненно пользуется» [2, с. 10-11].

«Вот уже сто лет Пушкин будит своим творчеством энергию, волю к труду, стремление к знанию, к победе науки над религиозным мракобесием... Мы должны учиться у Пушкина его языку

и культуре, – говорил третий докладчик П.К. Синявин. – Стихи Пушкина так и просятся на музыку... Для него не было некрасивых предметов и явлений. Он описывал ...«песчаный косогор», «перед избушкой две рябины», «калитку», «сломанный забор», «на небе серенькие тучки», «перед гумном соломы кучки», – т.е. предметы и явления, которые *сродни крестьянскому обиходу...*»

Все это вслед за А.С. Пушкиным П.К. Синявин перечислял, а воображение М.С. Шагинян, слушавшей его, уже забегало вперед и подсказывало ей, как много в стихах русского поэта было такого, мимо чего в чтении проходили глаза, – а пришел читать колхозник и увидел тут не форму, а существо: «Печально сложилась жизнь у поэта. Но не было у него чувства безнадежности либо отчаяния. В одном из самых мрачных своих стихотворений: «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» – он говорил о предчувствии близкой смерти. А рядышком с мрачными строчками прославил красоту и молодость. Пушкин учит нас *любить жизнь, не унывать при препятствиях, бодро смотреть в будущее!*» [2, с. 18]. В речи П.К. Синявина проявился интерес к *реальному* содержанию творчества А.С. Пушкина, к *житейской* стороне его произведений, к *прямому*, а не иносказательному их смыслу, интерес к сюжетной, описательной, рассуждающей, непосредственной стороне его творчества.

И отсюда М.С. Шагинян выводила, что «именно сейчас, в наше время, новому читателю чудесные контуры вещей, близких его сердцу, во всей их реальной прелести, и цельный Пушкин, полный Пушкин, – он стал доступен нам именно только в наше время! ...Появляется *цельный* Пушкин, *интересный* Пушкин» [2, с. 19-20]. Таким читает и чувствует его человек нового времени.

Литература

1. Белов А.В. Юрий Андреевич Жданов: очерки социальной и научной биографии. Ростов-на-Дону, 2015.
2. Шагинян М.С. Три речи о Пушкине // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М., 1974.

НАХИЧЕВАНЬ-на-ДОНУ В ВОСПОМИНАНИЯХ М.С. ШАГИНЯН

В источниковедении отечественной истории выделяется такая значительная группа источников как *мемуары*. Специфическая особенность отражения действительности в мемуарах состоит в том, что память участника событий способна восстановить такие стороны фактов и явлений, которые не могут найти отражения ни в каком другом источнике, и сохранить непосредственное восприятие действительности в том виде, в каком автор наблюдал или участвовал в них, в частности, детали повседневной жизни людей, ее атмосферу, восприятие людьми событий и явлений. Вместе с тем, источниковеды отмечают субъективность, внутренне присущую воспоминаниям [1, с. 243].

Вопрос о ценности, объективности информации, содержащейся в мемуарах, в решающей степени зависит от автора мемуаров, его кругозора, мировоззренческих установок, места, занимаемого автором в описываемых им событиях и процессах, времени, которое прошло после событий и написания воспоминаний, его умения выделить в развертывающихся вокруг него событиях их суть, направленность, перспективы развития [1, с. 244].

Воспоминания М.С. Шагинян «Человек и время. История человеческого становления», опубликованные в 1982 г., представляются богатейшим источником сведений об истории России начала XX в. Объясняется информационная ценность этих мемуаров уникальностью Мариэтты Сергеевны Шагинян как творческой личности, в которой органически талантливо сочетались, взаимодействовали художественный и научный способы освоения действительности. Эта «двойная тяга», фундаментальная образованность, неустанный идейно-нравственный поиск, художественная зоркость обеспечили ее воспоминаниям глубину, объемность, творческую убедительность в исследовании противоречий переломной эпохи.

Актуальность локализации проблематики данной статьи воспоминаниями М.С. Шагинян о г. Нахичевань-на-Дону обуславливается 240-годовщиной основания этого города, которая отмечается в этом году, как и 240-летием общего процесса переселения анийских армян из Крыма на Донскую землю.

Ценность, объективность, объемность воспроизведения М.С. Шагинян истории г. Нахичевань-на-Дону в ее воспоминаниях в определяющей степени зависела также от степени ее знания, погружения в жизнь этого города. В этой связи следует выделить те факты ее биографии, которые ее тесно связывали с Нахичеванью-на-Дону.

Она родилась в городе Москве в 1888 году. «Отправными точками в этом разборе, – писала М.С. Шагинян в своей автобиографической книге, – стали два семейных рода: матери Пепронэ Яковлевны Хлытчиевой из армянской колонии в Нахичевани-на-Дону и отца, Сергея (Сарикиса) Давыдовича Шагинянца, из армянской колонии в Григориополе на Днестре [2, с. 9]. Отец Мариэтты Сергеевны, талантливый врач, доктор медицинских наук, образованный человек, приобщивший дочь к творчеству корифеев мировой литературы А.С. Пушкина и И.Г. Гете, своими строгими нравственными принципами существенно повлиял на становление Мариэтты. Но в Григориополе на Днестре, родине отца, Мариэтта побывала всего несколько дней, когда Саркис Давыдович взял ее с собой, чтобы попрощаться с умирающим отцом, ее дедом.

Нахичевань-на-Дону, семья матери, ее многочисленная родня, активное участие в жизни этого города в 1915-1920-х гг. повлияли на Мариэтту Сергеевну в гораздо большей степени. Начиная с 11 лет, она с сестрой Магдалиной регулярно проводила каникулы в доме родителей матери. После смерти отца в 1902 г. Мариэтта с сестрой и матерью переехала из Москвы в Нахичевань-на-Дону, здесь год она училась в Екатерининской гимназии. В 1915-1920 гг. М.С. Шагинян жила в г. Нахичевань-на-Дону, активно сотрудничала в газетах Юга России «Приазовский край», «Баку», «Кавказское слово», читала лекции по этике и эстетике в Ростовском музыкальном училище Н.К. Аверина, которое в 1920 г. превратилось в Донскую консерваторию, рабо-

тала инструктором ткацкого дела в Днобразе. В этот период в г. Нахичевани-на-Дону М.С. Шагинян общалась с выдающимися деятелями культуры – С.В. Рахманиновым, М.С. Сарьяном, М.Ф. Гнесиным, М.Л. Пресманом и др.

В Нахичевани-на-Дону произошли важные события в жизни М.С. Шагинян – ее свадьба 25 мая 1917 г. с литератором, знатоком армянского языка, переводчиком Яковом Самсоновичем Хачатрянцем. 17 мая 1918 г. здесь родилась ее дочь Мирэль. В Нахичевани-на-Дону на старом армянском кладбище похоронены ее родители. В Нахичевани-на-Дону под влиянием событий Октябрьской революции и гражданской войны на Юге России произошел перелом в сознании Мариэтты Сергеевны: она не только приняла Советскую власть, но и активно включилась в строительство нового общества.

Эти факты биографии М.С. Шагинян, ее впечатления о жизни и работе в г. Нахичевани-на-Дону очень прочно вошли в ее духовный мир, помогли ей образно, точно, заразительно воспроизвести в своих воспоминаниях быт, привычки повседневной жизни нахичеванцев, их культуру.

Ценность этих воспоминаний М.С. Шагинян как исторического и краеведческого источника, несмотря на то, что они посвящены событиям и процессам, которые происходили за пятьдесят лет до написания этих мемуаров, объясняется также тем, что они написаны, опираясь на дневниковые записи, которые писатель вела регулярно с 1915 г.

Исследовательская культура и этика предусматривают необходимость осмысления того, что сделали предшественники в изучении данной темы. Профессор ЮФУ С.С. Казаров выступил на международной конференции «Армяне в истории и культуре России XVIII-XX вв. (2016 г.) и опубликовал в ее «Материалах...» статью «Нахичевань-на-Дону начала XX века в воспоминаниях современников» [3, с. 219-224]. Отметив, что «для исследователей истории донских армян в течение длительного времени едва ли не каноническими считались воспоминания писательницы М.С. Шагинян (1888-1982) «Человек и время» – М., 1982 и выдающегося художника М.С. Сарьяна (1880-1972 гг.) «Из моей жизни. Воспоминания» – М., 1985. С.С. Казаров

сосредоточил внимание на воспоминаниях последних двадцати лет – Н.Н. Берберовой «Курсив мой» (М., 1999). К.А. Кечека (1907-2000 гг.) «Воспоминания» (Ереван, 2014) художника С.П. Чахирова (1907-1985), опубликованные в интернете воспоминания В.К. Субашиева (1816-1914), В.М. Григоряна (1900-1978).

С.С. Казаров отметил выдающееся место среди мемуарных источников по истории Нахичевани воспоминаний купца и гласного городской думы И.М. Келле-Шагинова (1853-1932 гг.), длительное время хранившиеся в семейном архиве. Главной ценностью воспоминаний «Из моей жизни» И.М. Келле-Шагинова, впервые опубликованных в Ростове-на-Дону в 2015 году автор статьи считает, что «будучи очевидцем событий, он писал правдиво потому, что писал их для своих близких, не надеясь на их публикацию и не опасаясь за свою дальнейшую судьбу» [3, с. 223]. Кроме этого, в отличие от других авторов воспоминаний о Нахичевани-на-Дону И.М. Келле-Шагинов в течение всей своей жизни оставался жителем этого города. Он привел новые сведения об установлении и первых годах Советской власти в Нахичевани-на-Дону. С.С. Казаров сделал вывод: «Таким образом, введение в научный оборот новой мемуарной литературы значительно расширяет наши сведения по истории Нахичевани-на-Дону» [3, с. 224].

Из последних работ, посвященных анализу книги «Человек и время», необходимо выделить книгу Н.С. Авдулова и Н.В. Мирзабековой «М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве» (Ростов-на-Дону, 2013) [4] и статью Н.С. Авдулова «Нахичевань в жизни и творчестве Мариэтты Шагинян».

Н.С. Авдулов неслучайно выступил инициатором и организатором «Шагиняновских чтений», которые проходят уже шестой раз в городе Ростове-на-Дону и в третий раз в селе Чалтырь Мясниковского района Ростовской области. У Николая Степановича много общего с М.С. Шагинян: он так же, как Мариэтта Сергеевна, был мыслителем, «трудоголиком», также считал советский период советской истории великой цивилизацией. Поэтому его осмысление воспоминаний М.С. Шагинян получилось таким личностным, глубоким, обстоятельным. В своих работах он, опираясь на воспоминания М.С. Шагинян о Ростове-на-

Дону, не только высоко оценил их информационную значимость как исторического источника, но и сформулировал ряд важных уроков, полученных М.С. Шагинян от местных армян, которые вошли в копилку ее творческой деятельности. Н.С. Авдулов сделал итоговый вывод, что «всем, кто стремится к лучшему, светлому, достойному, кто намерен утверждать в жизни Истину, Добро и Красоту, духовное наследие Мариэтты Сергеевны Шагинян является незаменимым источником сил на этом пути» [4, с. 58].

М.С. Шагинян в своей книге «Человек и время» выделила такую важную черту социального поведения и мировосприятия нахичеванцев, как «гены ганзейской независимости», которые определялись собственным самоуправлением, судом и полицией, действовавших на основе этнических традиций, привилегиями и свободами, которые были даны переселившимся в Российскую империю армянским колонистам. Эти «гены свободомыслия» проявились, в частности, в пышных похоронах нахичеванскими армянами своего земляка, политического узника империи, выдающегося просветителя, публициста, революционер-демократа Микаэла Налбандяна, которые стали вызовом политическим порядкам в России [2, с. 18-22].

Мариэтта Сергеевна очень тепло и сердечно вспоминала о своих родителях, бабушке Якове Матвеевiche Хлытчиеве, других нахичеванских родственниках, любовно, зорко, образно воссоздала обычаи, традиции нахичеванских армян, их повседневный быт, одежду, кухню, новонахичеванский диалект армянского языка, которые были следствием многовекового отрыва от исторической родины, педагогику, культуру, занятия, характерные черты внешнего облика нахичеванцев.

В качестве примера приведу талантливую характеристику М.С. Шагинян сестер своей матери: «Тети – каждая – стоят у меня ярко в памяти, – красивые, крепкие, хозяйственные, одаренные здравым смыслом и коренным упорством в поведении. Они верили в незыблемый распорядок жизни, в женские функции жен и матерей, в соблюдение обычаев, неизвестно кем и когда установленных: дни поминания умерших, когда на кладбище надо нести пироги для раздачи нищим, визиты попа и дья-

кона в большие праздники, с заготовленными для них конвертами, первому – толстого, второму – потоньше; «соление» младенца при его крещении, изготовлении гаты и губоты под Рождество и множество всяких соблюдаемых правил и привычек» [2, с. 17].

В повести «Перемена», написанной на основе художественно-историософского осмысления революции и гражданской войны на Юге России, в эпицентре белого движения, М.С. Шагинян сумела точно, образно, выразительно изобразить жизнь обычных людей, захлестнутых водоворотом гигантского катаклизма и постепенно осознававших его суть, воспроизвести органическую связь крупных исторических событий и деталей жизни обывателей, трагизм великих перемен и ростки новой жизни. В этой повести подняты и осмыслены вопросы, обострившиеся в годы великих перемен: культуры, национализма, казачьего вопроса, безжалостного белого и красного терроров. М.С. Шагинян пропагандировала идею объединения во имя создания нового справедливого общества, обретения нового общего пути [5, с. 7-140].

Произведения М.С. Шагинян «Человек и время», «Перемена» дают объективное, объемное представление о жизни нахичеванцев в начале XX в., являются и будут оставаться для нового поколения историков, краеведов, этнографов важным историческим источником изучения жизни, быта, культуры жителей Нахичевани-на-Дону в эпоху крутых исторических перемен.

Литература

1. *Черноморский М.Н.* Источниковедение истории СССР. Советский период. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1976.
2. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.
3. Армяне в истории и культуре России XVIII-XX вв. Материалы международной научной конференции (25-28 октября 2016 г.). Ростов-на-Дону, 2016.
4. *Авдулов Н.С., Мерзабекова Н.В.* М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-на-Дону, 2013.
5. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 2., М., 1971.

ПИСЬМА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ. А.Я. КОЦ

Музей – это особый мир, позволяющий объединить поколения прошлого и настоящее. Именно здесь появляется возможность вступить в своеобразный диалог с историей. «Экспонаты музея – это вещи, вырванные из своей естественной среды. Помещенные уже в другой социально-исторический культурный контекст, они становятся объектом познания» [1, с. 124].

Посетитель музея, человек, живущий в реалиях современного мира, воспринимает музейный предмет, как особый ретранслятор прошлого, дающий ему ключ к пониманию истории. Реализация основных функций музея способствует установлению социокультурных взаимосвязей в обществе.

Современные музеи стали соединительным мостом между учеными-исследователями, для которых каждый экспонат является предметом анализа и изучения, и социумом. Именно в музее современный человек может неожиданно для себя сломать стереотипы восприятия истории. Отказаться от шаблонного представления о реалиях жизни общества, конкретной группы людей или индивида.

Имя Мариэтты Сергеевны Шагинян, так хорошо знакомое не одному поколению читателей XX века, не забывается и читателем XXI века. Книги писательницы можно найти на современных электронных ресурсах. Этому она обязана и своему многогранному литературному таланту и особому отношению к жизни, когда даже болезнь не являлась оправданием бездействия или безделья.

3 апреля 2014 года в Музее русско-армянской дружбы (отдел ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения») на площади Свободы, 14 состоялись I-е Шагиняновские чтения. К их началу было приурочено открытие выставки новых поступлений «Из семейного архива Мариэтты Сергеевны Шагинян».

В 2018 г. Е.В. Шагинян, внучка писательницы, передала в дар музею письма А.Я. Коца и его супруги, адресованные М.С. Шагинян, тетрадь со стихами поэта 1942-1943 гг.

Жизнь писательницы никогда не ограничивалась стенами рабочего кабинета. М.С. Шагинян всегда стремилась быть в гуще событий. В годы Великой Отечественной войны она, невзирая на возраст, занимается агитационно-пропагандистской работой: «В затемненной Москве, вместе с другими писателями, – среди них Федор Гладков, Анна Караваева, Н. Ляшко, А. Новиков-Прибой – выступает писательница на митингах в Политехническом музее, на заводах, в залах метро в часы бомбежек» [2, с. 281].

В первые месяцы войны М.С. Шагинян много и напряженно работает в качестве специального корреспондента газеты «Правда»; она пишет статьи для Информбюро, Балтфлота, Коминтерна. Согласно записям в ее дневнике, отдыху (сну) она уделяет не более 1,5 часов в сутки, с присущей ей горячностью утверждая, что в условиях военного времени необходим новый стиль работы, но при этом «нельзя давать ничего меньше тебя, ничего такого, что самой тебе перечить бесполезно и неинтересно...» [3, с. 129].

После эвакуации в Свердловск (ныне Екатеринбург), куда были эвакуированы и другие писатели, Мариэтта Шагинян не прекращает свою публицистическую и агитационную работу, оставаясь спецкором «Правды».

«Маленькая, очень крепкая, невероятно энергичная, в сапожках и каком-то "авиаторском" кожаном шлеме на голове, "Мариэтта" – так все ее называли за глаза – была самым подвижным и увлекающимся человеком среди писателей. Ее интерес к жизни невольно заражал окружающих, несмотря на все крайности суждений, в какие она неизменно впадала» [4.]

Работоспособность, увлеченность, умение доводить начатое дело до завершения, возможно, именно эти качества привлекали людей к Мариэтте Сергеевне.

С Аркадием Яковлевичем Коцем писательница была знакома, они проживали в Москве в одном доме, только на разных этажах. Но как пишет он в своем письме от 12 января 1943 года: «Судьбе угодно было, чтобы после Москвы, я встретил Вас здесь, в Свердловске и чтобы дальность расстояния приблизила меня к Вам более чем жизнь на одной лестнице в Москве».

А.Я. Коц вошел в историю советской литературы как автор русского текста «Интернационала». Так, во время пребывания на Урале в эвакуации, при публикации его стихов в периодических изданиях делалась приписка «От редакции: тов. Аркадий автор русского текста «Интернационала». В газете «Чусовской рабочий», напечатанной 15 марта 1942 года, было даже сделано уточнение местонахождения автора на момент публикации стихов: «В настоящее время проживает в нашем районе – в поселке Кусье – Александровском» [5].

Аркадий Яковлевич Коц родился в 1872 году в Одессе. Его отец был человеком, сломленным жизненными неудачами, которому было недосуг заниматься воспитанием своего сына. Благодаря помощи старшего брата Аркадий в 1893 г. окончил Горное училище имени Самуила Соломоновича Полякова, которое находилось в Горловке (станция Курско-Харьково-Азовской железной дороги). В данном учебном заведении, состоявшем в ведении Министерства государственных имуществ, проходили обучение будущие маркшейдеры, штейгеры, машинисты [6, с. 288-290]. В память о годах обучения поэта на фасаде Горловского техникума ДонНТУ и ныне расположена мемориальная доска с текстом: «В этом учебном заведении с 1889 по 1893 годы учился автор русского текста пролетарского гимна "Интернационал" Аркадий Яковлевич Коц-Данин».

В 1897-1902 гг. А.Я. Коц вынужден был жить в Париже, получая специальность горного инженера. Только высшее образование давало ему возможность проживать в Российской империи за пределами черты постоянной еврейской оседлости. Во время пребывания за границей будущий переводчик «Интернационала» сблизился с представителями эмиграции. В 1907 г. А. Коцем опубликован сборник стихов «Песни пролетариев».

Известным поэтом Аркадий Яковлевич не стал, более того в газете «Правда» № 270 от 27 сентября 1962 г. была опубликована статья Б. Рудняка, научного сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, «Бессмертный гимн рабочего класса», в которой не упоминается имя переводчика.

Горный инженер, поэт и переводчик Коц жил, работая по своей основной специальности в горнорудной промышленности, воспитывал двоих сыновей.

Литературного творчества он не оставлял, в июне 1941 года должна была выйти вторая книга стихов А. Коца. Но этого не случилось, в связи с началом военных действий набор книги был рассыпан.

А. Коц с женой эвакуируется на Урал в поселок Кусье-Александровский, переехав в Свердловск весной 1942 года. С начала своего пребывания в эвакуации, будучи пожилым человеком со слабым здоровьем, Аркадий Коц много работает, и не только как литератор.

На выставке «Уральский культурный цех: интеллигенция в годы войны», состоявшейся в 2015 году в музее «Литературная жизнь Урала XX века», был представлен следующий текст заметки: «18 октября. В овощехранилище треста столовых работали писатели М. Шагинян, П. Бажов, А. Коц и др. Они участвовали в воскреснике по разборке и сортировке картофеля».

Стихи Аркадия Коца, наполненные искренней верой в победу, постоянно печатаются в местных периодических изданиях. Поэт не только восхищается героизмом борцов с нацизмом, но и пишет сатирические стихи, высмеивающие бракоделов, лодырей.

Аркадий Яковлевич, будучи неизлечимо больным человеком и даже находясь на больничной койке, продолжал работать. Свое душевное состояние в письме к М.С. Шагинян он описал следующими строками:

«Два земноводных существа
Впились мне в грудь и в горло... Два!
....Они спешат наперебой,
Кричат и спорят меж собой...
В работе вашей смысла нет.
Ну, чтоб немного подождать?
Отсрочку жертве вашей дать?
На свете Гитлер есть, палач,
И смерть за ним несется вскачь.

Дождаться-б радостного дня:
Пусть задохнется...до меня!

Естественно, как и каждый человек, Аркадий Яковлевич Коц очень хотел выздороветь, и эта надежда сквозит во всех строчках его писем, адресованных Мариэтте Сергеевне. Но он также понимает, что может умереть в любую минуту. И поэт делает приготовления, отправляя М.С. Шагинян папку «с материалами обо мне» (письмо датировано 12-м января 1943 года). Сложно предположить, чтобы М.С. Шагинян не воспользовалась присланными документами при написании статьи «Переводчик «Интернационала» (к 70-летию А.Я. Коца)», опубликованной в газете «Уральский рабочий» 10 февраля 1943 года.

Аркадий Яковлевич отправлял писательнице свои стихи и высказывал пожелание о месте их публикации. Так, в письме, отправленном после операции в феврале 1943 года, автор надеялся опубликовать стихотворение «Минеральные воды» (в первом варианте «К черту!») в журнале «Крокодил» или «Огонек». Отправить стихи в вышеупомянутые журналы он просил Мариэтту Сергеевну: «Если найдете возможным пошлите их туда. Я нашел свой жанр – пишу все «злые» стихи».

Рукопись стихов «Минеральные воды» сохранилась в тетради «Аркадий Коц. Стихи» ...» [5], куда вклеены вырезки из газет с публикациями стихов, машинописные и рукописные варианты стихов последних лет жизни поэта (март 1942 года – апрель 1943 года).

Надеждам Аркадия Яковлевича не суждено было сбыться. Лечение не давало желаемых результатов, его здоровье ухудшалось с каждым днем, врачи могли только облегчать страдания больного. Осознавая близость смерти, А.Я. Коц 23 марта 1943 года пишет прощальное письмо Мариэтте Шагинян.

1 апреля 1943 года в больничной палате он пишет стихотворенье «Мариэтте Шагинян (для стенной газеты)»: «В дни великого в мире возмездья, / Острой ломки в дыму и во мгле / Мы из хаоса строим созвездья...» и письмо с поздравлением П.П. Бажова, в связи с награждением Сталинской премией [5].

13 мая 1943 года А.Я. Коц скончался. 16 мая 1943 года в газете «Уральский рабочий» был опубликован некролог, под ним стояли подписи М. Шагинян, П. Бажов, О. Форш и других писателей, находящихся в эвакуации в Свердловске. Стараниями близких и друзей второй сборник стихов Аркадия Яковлевича Коца был издан через пятьдесят лет после публикации первого сборника в 1957 году.

Письма А.Я. Коца, его тетрадь со стихами военных лет, хранящиеся в ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения» – не просто эпистолярное наследие поэта. Они дают возможность понимания шкалы ценностей человека, живущего идеалами своего времени.

Литература

1. *Ковешникова Е.А.* Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 13.
2. *Скорина Л.* Мариэтта Шагинян – художник. Жизнь и творчество. М., 1975.
3. *Гольдина Р.С.* Дневники и очерки военных лет.// Творчество Мариэтты Шагинян. Сборник статей. Л., 1980.
4. *Скорина Л.* На Урале, в дни войны. Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о Бажове. Сборник, сост. Стариков В.А. М., 1978, <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000048/st025.shtml> (дата обращения: 6.07.2019)
5. Тетрадь. Аркадий Коц. Стихи. ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения».
6. Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. 2. Бахмутский уезд. Екатеринослав, 1886.

Н.А. Василевич

**МАГДАЛИНА ШАГИНЯН.
«БЕЛЫЕ ПЯТНА» В БИОГРАФИИ РОДНОЙ СЕСТРЫ
МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН
(к постановке вопроса)**

Старшая из сестер Шагинян, Мариэтта Сергеевна, несомненно, оставила после себя заметный след в истории российской

культуры. И хотя в последние три – четыре десятилетия имя ее оказалось незаслуженно забыто, ситуация стала меняться, благодаря ежегодному проведению «Шагиняновских чтений», а также других мероприятий, посвященных творчеству писательницы. Но если биография Мариэтты Шагинян изучена относительно хорошо по ее собственным произведениям, а также по воспоминаниям современников, то о ее младшей сестре, Магдалине Сергеевне, известно очень немного. Между тем, вклад Магдалины Шагинян в культуру Юга России переоценить сложно. Признавала заслуги своей сестры в этой и в других областях и Мариэтта Шагинян.

Источники, по которым удастся частично восстановить биографию Магдалины Сергеевны Шагинян, немногочисленны. Одним из наиболее ценных источников биографических данных Магдалины Шагинян являются мемуары ее сестры, писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян «Человек и время». И хотя приводимые сведения зачастую не датированы, воспоминания позволяют частично проследить жизненный путь Магдалины Шагинян. Другим важным источником служат письма сестер к матери, датирующиеся первой четвертью XX века, а также письма девушек сокурснице по Высшим женским курсам Надежде Газдановой, относящиеся ко времени учебы и к 1916-1918 гг. Обе коллекции писем были переданы в дар Ростовскому областному музею краеведения внучкой Мариэтты Сергеевны, Еленой Викторовной Шагинян.

Магдалина Сергеевна Шагинян родилась в Москве 1 января 1890 года. Об этом событии есть строки в мемуарах Мариэтты Сергеевны: «...именно в эти дни появилась рядом с моею еще одна беленькая, с высокими деревянными стенками, обтянутыми простыней, детская кроватка, а в ней живая кукла, моя младшая сестра <...>».

Тогда, в самом начале пути, я еще не предчувствовала, каким большим путешествием будет моя жизнь... И тогда я еще не знала, каким величайшим, единственным счастьем станет для меня кроватка рядом, существо, сразу, с первым проблеском сознания сроднившее меня со словом «ты», как бы дублировавшее для меня бытие. Мы с сестрой сделались для няни, для се-

мы, для гостей и ребят во дворе неразрывной двоицей Мариэтта – Лина, Лина – Мариэтта, - мать читала французский роман, и отсюда имя Мариэтта, в метрике – Марианна, которой я, впрочем, никогда в жизни не называлась. А Магдалина пришла, вероятно, по евангельской ассоциации» [23, с. 9].

В 1897 г., по сведениям Мариэтты Шагинян, Магдалина поступила на подготовительный курс в гимназию Л.Ф. Ржевской в Москве, которую окончила, предположительно, в 1906 г.

Осенью 1908 г. сёстры поступают на Высшие женские курсы В.И. Герье в Москве.

Мариэтта Сергеевна вспоминала: «Она выбрала исторический факультет. Она тоже сразу же увлеклась превосходными лекциями Дмитрия Моисеевича Петрушевского по средневековому землепользованию. Вечером, сходясь у чашей с кипяточком (заварного чая не было), мы делились своим «рабочим днем», и она могла увлекательно рассказывать о разнообразных «прекариях», формах этого землепользования, аппетитно, словно сахар грызя, произнося свои «*precaria data*» и «*precaria oblata*». Но, описывая их, она всякий раз ухитрялась, словно стеклянную крышку сдвигала с них, знакомить меня с сидевшими внутри этих латинских ячеек живыми рабами, то полу- или целиком закрепленными, то постепенно становившимися рабами – в бесконечном разнообразии своих обязанностей, не меньших, чем у средневекового рабочего в его цехах. Лина имела удивительный дар под каждой отвлеченной вещью, под каждым термином видеть живого человека. А если речь шла о современности, об окружавших нас людях, она очень живо разгадывала их характеры, запоминала мимику, говор, любимые словечки и выраженья и передавала это мне в разговоре. Я всегда чувствовала скрытую ее заботу заменить мой падающий слух передачей всего того, что я не могла услышать сама. Все вокруг нее, и сама она, дышало простым человеческим оживлением и свежей, как горный воздух, внутренней свободой, утраченной мной самой...» [23, с. 281 - 282].

Как следует из писем, отправляемых Магдалиной Шагинян, предположительно, из Москвы своей матери Пепронэ Яковлевне, во время учебы на Высших женских курсах девушка за-

рабатывала на жизнь уроками и этот заработок служил иногда подспорьем и для мамы, и для сестры Мариэтты. Красноречивы следующие строки: «Уезжая, она [Мариэтта] купила мне обещанные билетки, а я ей эти деньги сохранила на «трудное время» [11]. Упомянутое письмо свидетельствует и о таком качестве юной Магдалины, как умение рассчитывать имеющиеся скромные средства: «Что касается меня – я снесла в сберегательную кассу 9 руб., так что у меня там теперь 10 руб.; заплатила за комнату вперед (за ноябрь) и на руках имею еще рублей 8–9. Живу очень аккуратно и вместе с тем все необходимое имею. Обедаю теперь иногда дома, когда уже фактически не в состоянии бываю есть кухмистерскую дрянь. Варю себе обед из двух блюд, даже из трех. Стараюсь обедать дома возможно чаще, только времени на это порядочно уходит... Во всяком случае, несмотря даже на то, что я иногда вожусь с готовкой, времени свободного у меня остается гораздо больше, чем в прошлом году, когда я к тете ходила. И занимаюсь, поэтому больше и меньше при этом устаю».

Из этого же письма следует, что Магдалина занималась в Румянцевском музее (предположительно, в существующей при нем библиотеке).

Характеризуя их с Магдалиной распорядок дня, Мариэтта писала: «Именно в эти годы, когда мы жили с Линой бок о бок, делили хлеб и бесхлебицу, недоуменья и радости, я привыкла к общению с ней, почти анонимному, путем размышлений вслух перед сном. Лина в эти годы была очень занята и уставала к вечеру; она не имела времени ходить в кружок [Литературно-художественный кружок в Москве, где собиралась интеллигенция, куда пригласил сестер С. Яблоновский]. Лекции, два урока подряд со взрослыми девушками, которым она преподавала французский, нехитрая стряпня, потому что нам не всегда были по карману студенческие столовки и заманчивая «Вегетарианская столовая» со своими винегретами и кашами, мытье посуды, – под вечер она, чуть ляжет, сразу же и засыпала. А я, избалованная ею эгоистка, оттягивала эту минуту своими размышлениями вслух. Мне просто невозможно было закончить день без капельки ее мудрости, никогда не назидательной» [23, с. 262].

В письмах к матери Магдалина сообщала, что бывает в гостях у Яблоновских (литературный критик, поэт Сергей Викторович Яблоновский-Потресов и его супруга Елена Александровна) и каждое воскресенье – у тети Ашхен, родной сестры матери.

Этот период жизни Магдалины Сергеевны частично нашел отражение и в письмах сестер Надежде Газдановой – близкой подруге, с которой девушки вместе учились на Высших женских курсах в Москве. Надежда была больна туберкулезом и примерно в 1911 г. уехала на родину, в Осетию. Она являлась дочерью известного во Владикавказе врача. Сестер Шагинян и Надежду Газданову связывала многолетняя дружеская переписка. Письма эти впоследствии хранились в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте (ныне Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра РАН). В конце 1970-х годов часть этих писем (отправленных Магдалиной Шагинян) была возвращена институтом Мариэтте Сергеевне по её личной просьбе, адресованной директору института Х.С. Черджиеву: «2-VIII-78. Я очень любила Надю Газданову и мне будет очень интересно перечитать мои письма к ней.

Эти письма сейчас – собственность Вашего архива. Но я бы хотела получить от Вас письма моей сестры Лины, она давно умерла, и все, что с ней связано, мне дорого, а мои письма пусть остаются у Вас» [19].

Впоследствии письма Магдалины Сергеевны были переданы в дар Ростовскому областному музею краеведения внучкой Мариэтты Сергеевны, Еленой Викторовной Шагинян.

В каждом письме Магдалина всеми способами, какие были ей доступны, старалась поддержать тяжелобольную подругу, будь то: письмо, «намеренно легкомысленное», где она рассказывает о жизни на курсах и об интересах курсисток, рассказы, которые сама пишет, истории из их с Мариэттой заграничных поездок.

В одном из писем Н. Газдановой, датированном 5 октября (год не указан), предположительно, относящемся ко времени учебы на курсах, Магдалина рассказывала о некоторых препо-

давателей и читаемых дисциплинах: «Викторов на два с половиной года уезжает за границу – курсистки преподнесли ему прекрасный адрес, я под ним подписалась, хотела и за тебя, и за Мариэтту, да почему-то не разрешили.

В нынешнем году на философском отделении почти ни одного порядочного профессора нет. Шмидт (?) да Виноградов царствуют. А семинарий, кажется, только один по психологии – Самсонов и один по философии – Фохт. Есть еще какие-то скучные, да и те, кажется, расстраиваются.

Я записалась на семинарий Сторожева (первая половина XIX века) и уже тему выбрала: «Политические и социальные воззрения декабристов».

Сам Сторожев мне не нравится, но семинарий ведет интересно. Рефераты не пишутся, а докладываются устно. «Для того чтобы говорить научиться», как объясняет это свое требование Сторожев. Потом хочу или к Успенскому опять, или к Петрушевскому записаться. С философией пока подожду, да и ничего интересного в нынешнем году нет. Викторов хотел вести семинарий о Декарте и уезжает, противный» [13].

В одном из писем матери и сестре, предположительно, датированном 1911-1913 годами, Магдалина подробно сообщала, как проходил экзамен по философии, а также о конфликте, возникшем с преподавателем Алмазовым (предположительно, читал курс истории, имя и отчество преподавателя не указываются). Объем письма не позволяет полностью цитировать его в рамках данной статьи, однако из текста следует, что слушательница Высших женских курсов Магдалина Шагинян, в отличие от остальных испытуемых, не побоялась проявить настойчивость и аргументированно возразить экзаменатору, отстаивая право выпускаемой вместе с ней группы на экзамен в рамках установленной программы, не соглашаясь отвечать на отсутствующие в программе экзамена вопросы, задаваемые Алмазовым дополнительно [9].

В своих мемуарах Мариэтта Шагинян неоднократно подчеркивала это свойство характера ее сестры – стойкость, или умение сохранять непоколебимое спокойствие в трудных жизненных ситуациях: «У Лины было прирожденное свойство никогда

не накидываться в споре на противника и совершенно ничему не удивляться, о чем бы ей вдруг ни объявили». Магдалина сохраняла трезвость мысли, даже когда слышала от ее увлекаемой идеями сестры мысли о переходе из армяно-грегорианства в православие: «А ты не обратила внимания на особенность сектантства в православии? По-моему, наши православные секты как-то антиобщественны, то есть изолированы, оторваны от истории...» [23, с. 282]. Отмечали эту черту и современники Магдалины: «Наш старый друг, жена (белого впоследствии) журналиста Сергея Яблоновского, Елена Александровна, звала мою сестру за это свойство «Кременьлиной» [23, с. 103].

На время летних каникул сестры часто покидали Москву. Девушки вместе с мамой Пепроне Яковлевной проводили лето в поселке Немчинов Пост (станция Московско-Брестской железной дороги), откуда 1 июля (год не указан) Магдалина писала Н. Газдановой: «Во вторник была в Москве, проходила мимо наших курсов – совсем заглохший у них вид. Кстати, очень скоро у нас будет новое помещение, на Девичьем поле. Курсистки все разъехались, ни с кем теперь не выдаемся» [12].

После окончания Высших женских курсов сестры отправились в путешествие по Европе. Этот период их жизни нашел частичное отражение в письмах девушек матери в Нахичевань-на-Дону, а также в письмах к Н. Газдановой. Большая часть этих писем датирована сестрами в соответствии с юлианским календарем, действовавшим в Российской империи, отличаясь от европейского времени запозданием на две недели.

В письме матери в Нахичевань-на-Дону, отправленном в мае 1913 г., Магдалина сообщает об их с Мариэттой прибытии в Германию, в г. Штейнах-ам-Бреннер (Штейнах-на-Бреннере), где они обосновались в отеле, «т.к. помимо отелей в Штейнахе есть только виллы. Виллы же сдаются целиком» [2].

Спустя время, 20 мая Магдалина пишет Пепроне Яковлевне более подробное письмо с описанием проделанного пути, во время которого сестры последовательно побывали в Варшаве, Вене, Инсбруке и прибыли в Штейнах-ам-Бреннер. Девушка сообщает о покупках, сделанных во время путешествия: «Купили мне за 23 рубля синий костюм, довольно удачный. Долго ис-

кали и все никак не могли найти того, что хотели. Затем купили – Мариэтте очень красивую белую рубашку за 8 крон (батистовую, вышитую) и 2 простенькие по 2 кроны, одну она отдала мне, т.к. она оказалась ей узкой. Я купила себе 3 блузки: белую – гладкую модную за 5 крон и 2 за 3 и 2 кроны. Страшная дешевка в общем. Купили еще полдюжины новых платков за 2 кроны»[8].

Рассказывая о впечатлениях от поездки, Магдалина писала: «От Инсбрука до Штейнаха всего час езды. При этом дорога такая своеобразно красивая, что мы с Мариэттой ни на минуту не отходили от окна. Штейнах самое высокое место по Бреннеру [перевал в Альпах] и самое красивое. 1049 метров над морем, средний пояс» [8].

Сестер Шагиных потрясла красота природы альпийских гор: «Первый день мы все привыкали к природе, уж очень она величественна. И климат нас поразил – по утрам и вечерам очень прохладно. Мы после 8 вечера на воздух не выходим пока. Но странное дело, за два дня, что мы здесь, мы положительно поправились и окрепли. Если б ты знала, муся, как тут хорошо: словами не передашь. Прямо в двух шагах от нас начинаются такие хвойные леса, такие перед носом [чистые горы?] и такая необычайная горная река Zill с водопадами, что мы с Мариэттой прямо таки обалдели. Ни комаров, ни блох – ничего подобного тут нет. Зато необычайные бабочки и горные цветы... В гостинице нас до такой степени откармливают, что мы, вероятно, в скором времени обратимся в тирольских баранов. Обедаем, ужинаем и пьем кофе, за отдельным столом... Комната наша со всеми удобствами – туалетный стол, 2 таза и 2 кувшина, так что каждая...» – *вторая часть письма утрачена – Н.В.*

Одно из последующих писем, отправленное сестрами Шагиных матери в Нахичевань-на-Дону и датированное 6 июня (предположительно, того же 1913 года) – наиболее информативно описывает повседневную жизнь сестер во время отдыха в Европе. Большая часть письма составлена Магдалиной и лишь в конце имеется короткий текст, написанный Мариэттой. Магдалина подробно описывает матери обстановку, происходящие события, а также обильный рацион, которым девушки были

обеспечены в гостинице: «Ты не можешь себе представить, как мы с Мариэттой за эти две недели, что мы в Штейнахе, поправились и окрепли. Мариэтта пополнела и зарумянилась, а я выпрямилась и дышу теперь ровно и глубоко. Аппетиты уже чудовищные. Вчера были в бане и великолепно выкупались в отдельных кабинках. Это удовольствие стоит поразительно дешево – 33 к. с человека. При этом мы имеем каждая отдельный номер: простыни, полотенца и по куску великолепного мыла. На чай давать некому, т.к. прислуживает сама хозяйка. Вода тут поразительно мягкая – волосы наши сегодня, как шелк.

С каждым днем нас все лучше и лучше кормят. Вчера, например, за обедом нам подали следующее: суп с тефтельками из печенки; на второе – 4 необъятных куска ростбифа и к нему 4 сорта гарнира; на 3-е пироги с вареньем. На ужин – целое блюдо ветчины, яичницу из 4-х яиц и по громадному бокалу горячего молока. И это ежедневно мы уничтожаем такое обилие продуктов! Позавчера на обед была форель и блинчики; на ужин – телячьи отбивные котлеты и воздушный пирог. Иногда мы требуем себе пиво или молоко, но постоянно пить последнее мы прямо таки не в состоянии» [10].

Магдалина сообщает и об отношении местного населения и других туристов к сестрам: «В Штейнахе пока нет ни одной девицы, кроме нас и это счастливое обстоятельство послужило к нашей выгоде. Мы с Мариэттой пользуемся тут неожиданным успехом, особенно у туристов, кот<орые> очень часто подносят нам альпийские розы и эдельвейсы» [10].

Также подробно рассказывает девушка об их с Мариэттой походе к местному врачу: «Успели мы и оскандалиться у местного доктора фон-Шмидта. Аптеки в Штейнахе нет и все лекарства покупают обычно у доктора. Нам понадобилась перекись водорода и ревень (вроде Боткинского порошка). Доктор, большой с виду юморист, встретил нас крайне любезно. Я попросила у него ревень, предварительно узнав дома в Тамарином путеводителе латинское его название. Что касается Мариэтты, она пожелала экспромтом купить вату, но попала в очень затруднительное положение. Она позабыла, как по-немецки «вата». Усиленно жестикулируя, к великому моему ужасу, она, вдруг, по-

требовала «ватер гидроскопикум». В ответ на это требование доктор разразился гомерическим смехом и картинно схватился за живот. В конце концов? он все-таки догадался, что именно Мариэтте нужно и снабдил ее грандиозным пакетом ваты» (*авторская орфография сохранена – Н.В.*).

Исходя из содержания письма, это была не единственная неловкая ситуация, в которой оказывались девушки во время отдыха в Европе. Магдалина сообщала: «Вот тебе второй курьез: приходим мы в баню; с обеих сторон обступают нас хозяин и хозяйка и в руках держат два градусника. – «Какой температуры воду желаете Вы иметь? У нас есть и Реомюр и Цельзий». Мариэтта нисколько не конфузясь, смело заявляет, что хочет 2° по Цельсию. Я следую ее примеру и прошу 15° [единица зачеркнута] по Реомюру. Потом, видя на их лице недоумение, быстро прибавляю – «оставьте нам градусники – мы смерим воду сами. К великому нашему удовольствию хозяин и хозяйка ушли, а мы, подальше запрятав два предательские градусника, запустили в ванны воду на ощупь» [10].

В одном из следующих писем Пепроне Яковлевне, которое относится, предположительно, также к 1913 году, датированном 28 июля, Магдалина сообщает об их с сестрой поездке в г. Штерцинг (ныне Випитено, Италия). Содержание письма частично характеризуют сферу профессиональных интересов Магдалины Шагинян: «...На прошлой неделе ездили в интереснейший средневековый город Штерцинг (в 1,5 часах езды от Штейнаха). Осмотрели его хорошенько, затем отправились в средневековые замки. Один из них от XI века такой жуткий, с башнями и подземельями. Мне, как историчке и при этом специалистке по средним векам, особенно интересна была эта прогулка» [1].

В письме, датированном 9 августа 1913 г., Магдалина сообщала матери, что в гостинице, где они остановились с Мариэттой, прошло празднование дня рождения австрийского императора Франца Иосифа: «Вечером у нас в гостинице был грандиозный бал, вполне демократический. Нарядная курортная публика перемешалась с местными тирольцами и в результате Ма-

риэтта танцевала с почтальоном – знакомая барышня, венка, с младшим пекарем, а я с носильщиком» [7].

Предвкушая будущие поездки, Магдалина писала: «Мы очень рады, что побываем в Мюнхене, Нюрнберге и Дрездене. Деньги мы строго распределили, отложили на пальто и шляпы и на все хватает у нас с избытком. Посмотрим знаменитые мюнхенские картинные галереи, национальный музей и т.д.».

Как писала Магдалина, «Мы с Мариэттой были в Штейнахе первыми и уедем отсюда, кажется, последними. Сидели тут без 6 дней 3 месяца. Поправились так, что ты нас сейчас не узнала бы. Последние дни мы никуда не ходим, сидим на одном месте и любимся видами. Жаль уезжать отсюда, так тут хорошо» [7]. Ответное письмо Магдалина просила направлять им уже в Дрезден.

В Штейнахе сестры провели почти три месяца (предположительно, с мая до августа 1913 г.) и очень не хотели уезжать, так как им понравилось место.

Как следует из письма сестер матери в Нахичевань-на-Дону, датированного 11 декабря 1913 г. и отправленного, предположительно, из Москвы, сестры к этому времени уже вернулись из путешествия по Европе.

Зиму 1913-1914 гг. сестры провели в Москве, о чем сохранилось короткое воспоминание Мариэтты Шагинян: «Зиму 1913/14 года я жила в Москве в постоянном общении и с Сергеем Васильевичем и с Метнерами. Помню, жили мы тогда с сестрой в ужасном Кабанихином переулке, в деревянном купеческом доме, на квартире у какой-то мещанки; комната наша была, правда, светла и велика, и мы, по возможности, вынесли из нее всю сусальную хозяйскую обстановку...» [21].

В 1914 году Магдалина Шагинян снова отправилась в путешествие по Европе, но на этот раз в компании с родственниками (вероятно, по материнской линии). В письме к матери, датированном 17 июня 1914 г., Магдалина сообщала: «Мы благополучно добрались до Вены, поместились у Цвиллинга в 1-ом номере (Устя отдельно) и второй уже день осматриваем город... В четверг думаем выехать в Люцерн, до этого времени я успею написать тебе еще... Твоя любящ<ая> Лина» [5].

Другое письмо, датированное Магдалиной 8 июля 1914 г. (вероятно, по действующему в Европе григорианскому календарю, поскольку совпадает с датировкой на штампе места отправления), выслано матери в Нахичевань-на-Дону из Хергисвиля, кантона в Швейцарии: «Моя дорогая муся, наконец-то сели в чудесном местечке недалеко от Люцерна. До этого провели день в маленькой тирольской деревушке, проехали по Тиролю, ночевали в Инсбруке (все это делали по пути в Швейцарию, без лишних крюков) и затем попали сюда... Пробудем тут дней 10, а потом поедem в Женеву» [6].

Эта поездка в Европу запомнилась сестрам одним неприятным происшествием. После отъезда Магдалины за границу, перед началом Первой мировой войны Мариэтта отправилась в Германию для работы над магистерским сочинением в Гейдельбергском университете. Вероятно, спустя некоторое время по возвращении сестер из Европы в одном из писем Надежде Газдановой из Нахичевани-на-Дону с поздравлением к Пасхе, Магдалина рассказывала о своей поездке в Швейцарию и особенно подробно – об этом случае: «Весною 1914 г. я уехала в Швейцарию с моей тетей и после того, как исколесила ее вдоль и поперек, засела в одном маленьком курорте на берегу Фирвальдштетского озера. Спустя месяц после моего отъезда в Швейцарию, Мариэтта забрала свои вещи и махнула в Германию, в Гейдельберг, с твердым намерением поступить в тамошний университет. И какая нелегкая понесла ее в Германию как раз накануне войны! Ты ведь знаешь ее темперамент! Через несколько дней после пребывания в Гейдельберге она водрузила себе на плечи рюкзак, надела непромокаемый плащ и, вооружившись дубинкой и картой проезжих дорог, смело пустилась пешком в Веймар, дабы поклониться праху Гете. На обратном пути из Веймара она была задержана немецкими властями, заподозрившими ее в шпионаже... По Мариэттиным указаниям ее немедленно же отправили в Гейдельберг для удостоверения личности. Там за нее заступилась ее квартирная хозяйка и уверила, что обвинения в шпионаже лишены всякого основания. Однако же Мариэтту, как и остальных русских, посадили под домашний арест на неопределенное время...» [16].

Мариэтта же в своих мемуарах впоследствии упоминала концентрационный лагерь для интернированных русских, расположенный в Баден-Бадене, куда её направили как вызывавшую подозрения. Магдалина с большим трудом получила пропуск для сестры у швейцарских властей, благодаря чему Мариэтта смогла, наконец, пересечь границу и воссоединиться с родственницами [16, 23, с. 583-589].

Позднее, в письме к матери, датированном 2 сентября 1914 г., Магдалина сообщала: «Родная моя муся, сидим все вместе в Цюрихе. Мариэтта нашла себе прелестную комнату вблизи нас. Мы все здоровы. В Россию есть возможность проехать через Архангельск, вокруг всей Европы морем... А через Черное море вряд ли возможно проскочить, т.к. Дарданеллы то и дело закрываются. Я с удовольствием рискнула б ехать морем, да тетя боится» [4].

Об этом времени также сохранились воспоминания Мариэтты Шагинян: «...пока мы жили три месяца в Цюрихе, мы сразу окунулись и в революционную русскую литературу, которой до этого никогда собственными глазами не видывали; и начали усердно посещать разные русские собрания в цюрихских «Бирхалле» и «Алкоголфрей», где со всей страстью молодости и новизны, с замирающими сердцами впитывали в себя политические споры русских «пораженцев» с «защитниками Отечества», присутствовали, помню, на одном докладе, познакомились со студентами-большевиками. И симпатии наши сразу определились. Мы были всей душой с большевиками, хотя ровно ничего не понимали ни в марксизме, ни даже в политике». Анализируя, Мариэтта называет некоторые предпосылки принятия сестрами этого решения: «Но тут все сказалось сразу – годы борьбы с нуждой, постоянный напряженный труд, а в детстве, после смерти отца, постоянная материальная зависимость от теток, житье по «берлогам», вечное ощущение, что настоящая, реальная жизнь – это все-таки не та, которой живут даже самые обожаемые окружающие (*Мережковские, Метнеры*)».

По воспоминаниям Мариэтты Шагинян, путь домой, в Россию, ввиду начавшейся войны пролегал через Южную Европу: «А впереди было еще много счастья: путешествие на родину,

задуманное теткой с пользой для молодежи – двух ее собственных детей и трех племянниц, которых она везла, – через Италию, остров Корфу, Грецию, Балканы!

Только в 1915 году мы, полные впечатлений, наконец, вернулись домой и очутились у матери в Нахичевани-на-Дону» [21].

В письме от 29 февраля 1916 г., отправленном из Нахичевани-на-Дону Надежде Газдановой, Магдалина сообщала: «Я окончила курсы и теперь постепенно готовлюсь к государственным экзаменам. Три дополнительных экзамена я сдала еще в прошлом году в Московском университете, где буду держать и государственные. Последние два года, после окончания курсов, мы с Мариэттой почти все время провели за границей. В первую нашу поездку объездили всю Австрию и Германию, во вторую Швейцарию (вот тогда мы наводили о тебе справки), Италию (о которой у меня осталось самое пленительное воспоминание), Грецию и через Балканы вернулись в Россию. Это путешествие было уже в эпоху войны, и много разных любопытных вещей рассмотрели мы по дороге...» [15].

В 1912 г. выпускницы Высших женских курсов получили право сдавать экзамены в Московский императорский университет, и Магдалина Шагинян воспользовалась этой возможностью: «На курсах у нас все то же; ты, конечно, знаешь из газет, что курсисткам дали права, одинаковые со студентами, и у нас ежегодно бывает сессия государственных экзаменов. Я лично предпочла переключиться в университет» [15].

Летом 1915 г. сестры отдыхали в Геленджике у родственницы, тети по материнской линии, откуда писали матери в Нахичевань-на-Дону: «Чувствуем себя великолепно и очень жалеем, что ты не с нами. В конце концов, лучше Геленджика нет ни одного места на всем земном шаре... Мы так мало тратим, хотя покупаем себе решительно все, что вздумается, что денег у нас уйма. Купили обеды на целый месяц вперед... Нам очень хорошо во флигеле, и мы очень тете Сане благодарны» [3].

Лето 1916 года сестры проводили в Теберде, предположительно, в санатории. Находясь под впечатлением от этого места, Мариэтта Шагинян в 1916 году начнет работу над повестью «Своя судьба».

Одно из писем Надежде Газдановой не датировано и, вероятно, было написано Магдалиной во время пребывания в Нахичевани-на-Дону в годы Первой мировой войны, поскольку красноречиво характеризует окружающую обстановку: «Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо, т.к. почта у нас завалена и вот уже целая вечность, как мы не получаем ни писем, ни газет (не местных, натурально!). Да и поезда теперь, кажется, отсюда никуда не отправляются. Ну, да авось получишь наше письмо!» [14].

Косвенно Магдалина Сергеевна дает характеристику и Нахичевани-на-Дону и рассказывает о повседневных занятиях: «Мы собрались было в Москву, да куда уж тут! Приходится сидеть на месте. Ты как-то спросила у меня (в письме), занимаюсь ли я еще скульптурой. Если б не занятия мои, не «скульптурой» к сожалению, (п<отому> ч<то> здесь не у кого учиться скульптуре), а живописью и рисованием, я вряд ли смогла высидеть в Нахичевани еще целую зиму. Занимаюсь я много и с большой любовью и занятия искусством дают мне гораздо больше удовлетворения, чем занятия научные (хотя я и от последних никак не могу отказаться). Недавно я выставила, в первый раз, две свои скульптуры – голову черкешенки и барельеф одного моего приятеля. Вчера был газетный отчет о нашей выставке – рецензент нашел мою черкешенку «очень хорошей» работой, а барельеф слабее.

Английский язык почти забросила, только читаю время от времени Шекспира» [14].

После октябрьских событий Магдалина Шагинян работает сотрудником секции ИЗО-отдела народного образования и много времени уделяет самостоятельному творчеству в области скульптурного портрета и жанровой композиции.

Как следует из письма Мариэтты Шагинян Надежде Газдановой, датированного 2 января 1918 г., в это время Магдалина вместе с матерью жили в Нахичевани-на-Дону, недалеко от дома семьи мужа Мариэтты, Якова Самсоновича Хачатрянца: «Лина и мама живут неподалеку, часто хожу к ним ночевать для разнообразия и занимаюсь попеременно то у них, то дома» [20].

О жизни в Нахичевани в 1917 г. с сестрой Мариэтта вспоминала: «Захваченная новой, советской действительностью, я работала больше года инструктором Донпрофобра. Сестра моя в это же время организовала районную художественную школу в доме Зеелера (дома еще не перешли на нумерацию и хранили имена домовладельцев). Она стянула туда преподавателями всех бывших на Дону художников – Мартироса Сарьяна, Евгения Лансере, местных живописцев Федорова, Аганджанияна, архитектора Марка Григорьяна и других. Поздней ее школа превратилась в Государственные мастерские, а ученики ее с путевками в Академию художеств стали известными мастерами, разбрелись по Советской стране, и те, кто остался в живых до 1961 года, поставили свои подписи под очень теплым некрологом о смерти моей Лины в Москве...» [23, с. 632].

С 1920 по 1923 гг. (по другим сведениям, с 1923 по 1926 гг.) Магдалина Сергеевна Шагинян училась в Академии художеств в Петрограде. О жизни в Петрограде в 1920-е годы впоследствии Мариэтта Сергеевна вспоминала: «...Своих забот было у меня по горло: уже не одна, а с приехавшей в Питер семьей, я гналась за работой, за миллионами, которые отвешивала нам кассирша, именуемыми в народе «лимонами», миллионами, за которые на рынке и лимона, а подчас и картошки купить было нельзя; Лина, мой верный друг и помощник, поступила по командировке из своей школы в Академию художеств, где она через три года кончила скульптурное отделение у профессора Матвеева с дипломом свободного художника, училась зверски, пропадала с утра до темного вечера и мало чем, разве академическим сухарем, могла помочь в тот год нашей семье. Свой хлеб (хлебную карточку) она оставляла нам...» [23, с. 47].

В 1924 году Магдалина Шагинян вместе с сестрой переезжают в Москву, где в 1928-1929 гг. заболела трудной хронической нервной болезнью, которая длилась 12 лет [17]. В начале ноября 1941 г. сестры эвакуировались на Урал, в Свердловск. Этот период жизни Магдалины Сергеевны практически не освещен источниками. Мариэтта Шагинян в своем дневнике часто упоминает болезнь сестры [22]. Предположительно, будучи в эвакуации Магдалина Шагинян работала как книжный иллюстратор,

график. Однако конкретных сведений обнаружить на сегодня не удалось.

В мае 1943 г. Магдалина Сергеевна и Мариэтта Сергеевна с дочерью и внучкой вернулись в Москву. После окончания войны Магдалина Шагинян занималась музыкальным творчеством, будучи от природы одаренной прекрасным музыкальным слухом. По сведениям И. Столаржика, это были небольшие композиции, а затем и детские фортепианные произведения, песни на чешские тексты в переводе С.Я. Маршака. Магдалиной Шагинян также было написано несколько прелюдий и фуг. Всего же музыкальное наследие Магдалины Шагинян насчитывает порядка 69 небольших произведений [17]. Часть этого наследия – ноты трех пьес для рояля были опубликованы в Остраве в 1962 г., уже после смерти Магдалины Сергеевны. Впоследствии издание было передано в дар Ростовскому областному музею краеведения внучкой Мариэтты Шагинян Еленой Викторовной Шагинян. Предисловие к этому изданию и корректуру выполнил чешский музыковед Иво Столаржик, друг Мариэтты Шагинян. Писательница обращалась к нему за профессиональной консультацией во время работы над биографической повестью «Воскрешение из мертвых», посвященной жизни и творчеству чешского композитора Йозефа Мысливечка (1964). Вероятно, тогда же ими одновременно велась работа по сбору музыкального и художественного наследия Магдалины Сергеевны. К сожалению, на сегодня неизвестно, был ли опубликован альбом с репродукциями графических работ Магдалины Шагинян, упомянутый в предисловии к нотному изданию.

Интересно, что повесть «Воскрешение из мертвых» своим появлением отчасти обязана Магдалине Шагинян. В предисловии к изданию значилось: «Светлой памяти Лины, завещавшей мне перед смертью написать эту книгу».

Некоторые сведения о творчестве Магдалины Шагинян мы находим в некрологе, опубликованном спустя год со дня ее смерти. Магдалина Сергеевна работала в области скульптуры. Бюст «Карачаевка Байдемат» и «Барельеф» (мужская голова) экспонировались на выставке в Ростове-на-Дону, двухметровая композиция «Смена» – на выставке конкурсных работ в Ленин-

граде. Из графических работ упоминаются портреты, в том числе Мариэтты Шагинян, серии рисунков, посвященные Еревану, детям. Магдалина Шагинян занималась также созданием кукол для московских театров [18].

Не подлежит сомнению весомость вклада Магдалины Шагинян в развитие отечественной культуры и искусства. Однако в биографии родной сестры известной писательницы Мариэтты Шагинян по-прежнему множество «белых пятен». Вопрос масштаба творческого наследия Магдалины Сергеевны Шагинян требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Письмо сестер Магдалины и Мариэтты Шагинян к матери Болдыревой Пепронэ Яковлевне от 28 июля. (1913 г.). ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», КП. 26556/12 (далее – РОМК).

2. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны к матери от 12 мая 1913 года на бланке почтовой карточки. РОМК КП 26556/16.

3. Письмо Магдалины Сергеевны Шагинян к матери Пепронэ Яковлевне Шагинян на бланке почтовой карточки 17.VII.15. РОМК КП 26556/27.

4. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны к матери на бланке почтовой открытки от 2 сентября 1914 г. РОМК КП 26556/66.

5. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны к матери на бланке почтовой открытки от 17 июня 1914 г. РОМК КП 26556/70.

6. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны к матери на почтовой открытке от 8 июля 1914 г. (26 июня). РОМК КП 26556/72.

7. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны к матери от 9 августа 1913 г. РОМК КП 26556/75.

8. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны к матери от 20 мая 1913 года. РОМК КП 26556/77.

9. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны к матери от 3 мая (год не указан, предположительно, 1911). РОМК КП 26556/86

10. Письмо сестер Магдалины и Мариэтты Шагинян к матери от 6 июня 1913 года. РОМК КП 26556/87.

11. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны к матери от 26 октября. РОМК КП 26556/88.

12. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны Газдановой Надежде. 1 июля (год неизвестен). РОМК КП 27095/1.

13. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны Газдановой Надежде. 5 октября. РОМК КП 27095/2.

14. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны Газдановой Надежде. РОМК КП 27095/3.

15. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны Газдановой Надежде. г. Нахичевань-на-Дону, 29 февраля 1916 г. РОМК КП 27095/4.

16. Письмо Шагинян Магдалины Сергеевны Газдановой Надежде, с припиской Мариэтты Шагинян. г. Нахичевань-на-Дону. РОМК КП 27095/5.

17. *Шагинян Маг. С.* «Три пьесы для рояля». Острава, 1962. РОМК КП 25947.

18. Некролог «Человек неутомимой творческой энергии» о Маг. С. Шагинян // «Московский художник» (орган Правления и партийной организации МОСХ), 1962, № 9 (август).

19. Переписка Х.С. Черджиева и М.С. Шагинян // «Дарьял» – литературно-художественный и общественно-политический интернет-журнал. URL: http://www.darial-online.ru/1999_1/shagin.shtml. Дата обращения 15.07.2019.

20. Письма Мариэтты и Магдалины Шагинян Надежде Газдановой // «Дарьял» – литературно-художественный и общественно-политический интернет-журнал. URL: http://www.darial-online.ru/1999_1/shagin.shtml. Дата обращения 15.07.2019.

21. *Шагинян М.* Воспоминания о С.В. Рахманинове// «Сенар»; URL: <https://senar.ru/memoirs/Shaginyan/> Дата обращения: 11.07.2019.

22. *Шагинян М.С.* Уральский дневник (Июль 1941 – июль 1943) / Публ. и примеч. Е. Шагинян // Новый мир. 1985. № 4, 5.

23. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. Под ред. В.Ф. Елисейевой. М., 1980.

Арутюнян Рузанна, Мельситова Богдана

ЯКОВ САМСОНОВИЧ ХАЧАТРЯНЦ

На основании плана воспитательной работы, в рамках региональных проектов «Воспитан-на-Дону», «Музейная педагогика» и комплексной многоцелевой программы «Историко-культурное развивающее пространство» в целях интеллектуального и гражданско-патриотического развития, воспитанники нашей ростовской санаторной школы-интерната № 28 частые гости в музее

«Русско-армянской дружбы», который является одним из действующих культурных площадок.

На основе музея проводится большое количество разноплановых мероприятий.

Учащиеся нашего класса были приглашены в «Музей русско-армянской дружбы» на открытие выставки «Киммерийский Серебряный век Максимилиана Волошина», посвященной 140-летнему юбилею художника, поэта, философа Максимилиана Волошина. Выставка была создана на основе материалов, находящихся в фондовой коллекции государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Историко-культурный, мемориальный музей-заповедник «Киммерия М.А. Волошина». Среди экспозиций, представленных в виде 40 копий графических работ М.А. Волошина, были выставлены личные вещи семьи Мариэтты Шагинян. Нас заинтересовал один рисунок: «Страна Наири». В этикетке было указано, что он принадлежал Якову Хачатрянцу (1926 г.). Мы решили подробнее узнать о семье Мариэтты Шагинян. И собрать сведения, кто же таков – Яков Самсонович Хачатрянц?

В процессе поисковой работы, нам удалось узнать, что Яков Самсонович Хачатрянц родился в 1884 году и жил до 1960 года. Филолог, переводчик с армянского языка, а также с других восточных языков на русский и известный искусствовед Яков Самсонович Хачатрянц был мужем Мариэтты Шагинян. Этот высокий статный человек, знаток своего дела, по характеру был полной противоположностью Мариэтте Сергеевне.

Яков Хачатрянц основал один из книгоиздательских центров «Аралэзы», возникших в Ростове-на-Дону в годы гражданской войны. Судя по данным энциклопедии «Мифы народов мира», «аралэзы» в армянской мифологии – это духи, происходящие от собаки. Они спускаются с неба, чтобы зализать раны убитых и воскресить их. Вероятно, название символизировало непрерывность, вечное обновление. В фонде градоначальника Ростова-на-Дону сохранилось прошение гражданского инженера А. Оля и кандидата исторических наук Я.С. Хачатрянца о выдаче разрешения на выпуск еженедельной газеты «Литературная неделя» в

книгоиздательстве «Аралэзы», представленном «в лице Хачатрянца».

Яков Хачатрянц перевел на русский язык «Армянские новеллы» Александра Ширванзаде (1945-1948), произведения Нар-Доса, Стефана Зорина, Ованеса Туманяна (проза), Егише Чаренца и др.

Яков Самсонович, армянин по своим корням, перевел на русский язык и издал в 1939 году «Армянские сказки». Я.С. Хачатрянц любил Восток, любил Кавказ, обучал армянскому языку Мариэтту Сергеевну, уроженку города Москвы, для которой родным языком был русский.

Придя в музей на выставку «Сохраняя традиции», посвященной 30-летию со дня основания ростовской региональной общественной организации «Нахичеванская-на-Дону армянская община», мы вновь увидели уже теперь несколько иллюстраций к книге Е. Чаренца «Страна Наири». Учащиеся нашего класса решили познакомиться с книгой «Страна Наири» в оформлении известного кисловодского художника Юрия Багдасарова.

Книга вышла при поддержке Ставропольского регионального отделения Союза армян России, армянских культурно-национальных автономий Кисловодска и Пятигорска.

В 1937 году, когда писатель погиб в результате репрессий, его книгу от уничтожения спасла Регина Казарян. Рискаю жизнью, она зарыла 20 папок рукописей Е. Чаренца. Так они пролежали 17 лет. В 1954 году Анастас Микоян на собрании в оперном театре Армении впервые решился упомянуть имя писателя. А в 1959 году книга была переведена на русский язык Яковом Самсоновичем Хачатрянцем.

Название книги происходит от объединения армян, живших на Армянском нагорье в XIII-IX веках до нашей эры. В книге в мифологической форме рассказывается о событиях начала XX века, произошедших в Карсе на глазах автора. Мирное повествование о жизни армянского города пестрит этнографическими подробностями – здесь и лавки, где торгуют тигровыми и медвежьими шкурами, и мастерская гробовщика, и бедная больница на окраине города, и «висящая» над городом крепость, и типичная армянская церковь Двенадцати Апостолов с гранеными ку-

полами, и река, периодически заливающая город... Попытки создать независимое управление сказочной страной Наири оканчиваются трагедией и гибелью всех основных персонажей. Люди бегут в панике, в давке на железнодорожном вокзале гибнут и мужчины, и женщины, и дети. Комическое начало причудливо-неожиданно перетекает в трагический финал, и роман вызывает попеременно то смех, то слезы!

В таком же трагикомическом ключе, с точностью попадая в тон автору романа, оформил книгу Юрий Арамович Багдасаров, автор проекта современного издания. В иллюстрациях он мастерски использует прием гротеска.

Мариэтта Шагинян в 1959 году писала: «В те далекие годы передо мной положили рукопись романа Чаренца «Страна Наири», переведенную с армянского на русский Я.С. Хачатрянцем. Надо было рецензировать эту рукопись и написать к ней предисловие. Не могу точнее определить чувство, пережитое от чтения первых же страниц, кроме как словом «потрясение»...

«Сперва этот роман воспринимаешь только как сатиру... А между тем «Страна Наири» была сразу же встречена ликованием в армянской печати и почти тотчас канонизирована... Почему это произошло? Прежде всего, в силу настоящего, в высокой степени реального воплощения социальной правды...»

С 1915 г. по 1920-й г. Мариэтта Шагинян жила в Ростове-на-Дону. Она работала в консерватории, преподавала историю искусств и эстетику. В это время сотрудничала с газетами «Приазовский край», «Кавказское слово» и «Баку», освещая там события художественной и литературной жизни страны. Работа в этих газетах сыграла большую роль в формировании Мариэтты Шагинян как писательницы. Яков Самсонович тоже в эти годы работал в газете «Приазовский край»

С 1915 по 1920 год Мариэтта Шагинян вместе с мужем, литературоведом Яковом Самсоновичем Хачатрянцем, работала над новыми книгами, собранием переводов армянских сказок.

А в нашей истории самое главное то, что именно Мартирос Сарьян познакомил Мариэтту Сергеевну с преподавателем нахичеванской духовной семинарии Яковом Самсоновичем Хачатрянцем. Вскоре они в 1917 году поженились.

17 мая 1918 года у них родилась дочь Мирель.

Мирель Яковлевна Шагинян много рассказывала о матери и отце. Отец Яков Самсонович любил шумные компании, отличался кавказской щедростью, гостеприимством, элегантно одевался, был весел и, по-своему, счастлив.

Собирая по крупицам биографию Якова Самсоновича, мы выяснили, что он человек необыкновенно творческий, семейный. На протяжении семейной жизни с Мариэттой Сергеевной им удалось сохранить дружеские отношения. Это подтверждают письма, написанные Мариэттой Сергеевной и Яковом Самсоновичем в 1952 году.

Вот письмо, датированное 25 июля 1952 годом: «Дорогой мой, Джиминка, шлю привет из Львова, к которому сейчас подъезжаем. Погода пасмурная. Намечалось предгорье Карпат. В Киеве выстроили шикарный вокзал. Если будешь у Горбунова или встретишься с ним, спроси его, как движется моя книга «Дневник писателя». А насчет гонорара из Международной книги – пусть все переводят на сберкнижку.

Пиши мне почаще. Поезжай в воскресенье к Лине и Леночке. Береги здоровье. Целую крепко, крепко.

Твоя МА.»

(Ростовский областной музей краеведения КП265666/22)

Следующее письмо написано 11 августа 1952 года: «Самсоныч дорогой, скучаю по тебе и, наверное, числа 25 буду уже в Москве.

Как подвигается Абовян? Что новенького на белом свете? Как ты переносишь августовскую жару? Мне она сильно надоела. Вообще я в том возрасте, когда никакая погода не удовлетворяет. Хуже нашего курорта, где я сейчас нахожусь, ничего нельзя себе представить. Обнимаю и целую тебя крепко. Береги здоровье, не ходи на солнце без шляпы.

Твоя старуха».

(Ростовский областной музей краеведения КП265666/23)

История жизни Якова Самсоновича Хачатрянца вызвала у нас огромный интерес. К сожалению, не все факты его биографии нам удалось найти. Свою поисковую деятельность мы пла-

нируем продолжить и выяснить судьбу Якова Самсоновича в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы.

Литература

1. *Чаренц Е.* Страна Наири: роман. Ставрополь, 2011.
2. Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на Дону, 2012.
3. *Шагинян М.С.* Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017.

С.С. Козлов

ЕРВАНД ШАХАЗИЗ И ЕГО СЛУЖБА В НАХИЧЕВАНО-БЕССАРАБСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Начало XX столетия для России было временем выдающихся деятелей искусств и науки. Город Нахичевань-на-Дону так же не стал исключением. Здесь жили и творили такие выдающиеся деятели как художники Мартирос Сарьян, Амаяк Арцатбаниян, Аким Ованесов, писательница Маризтта Шагинян. Одним из самых известных ученых был Ерванд Овакимович Шахазиз (Шах-Азиз), известный историк, этнограф и педагог. Е.О. Шахазиз, будучи ректором Нахичевано-Бессарабской духовной семинарии, многое сделал для исторической науки.

Хотелось бы с помощью архивных материалов и научной литературы выявить значимые аспекты научной, общественной и педагогической деятельности Е.О. Шахазиза на посту ректора Нахичевано-Бессарабской духовной семинарии. Задача – определить вклад в науку и просвещение в результате исследования работ Е.О. Шахазиза в Нахичевани-на-Дону. Предмет исследования – деятельность Е.О. Шахазиза на посту ректора Нахичевано-Бессарабской духовной семинарии.

Следует отметить, что проблема образования была важной частью жизни в Нахичевани-на-Дону, здесь ей уделяли большое внимание. Недаром еще в конце XVIII века, в 1783 году, через 4 года после основания г. Нор-Нахичеван была открыта первая школа в городе [2, с. 421]. Их количество росло и уже ко второй половине XIX в. в Нахичевани открылись уездные училища,

гимназии, ремесленные училища, церковно-приходские школы. Среди учебных заведений Нахичевани особую роль играла духовная семинария, или епархиальное училище, основанное в начале 1880-х годов [2, с. 446]. Основание этого значимого для города учебного заведения связано с посещением Нур-Нахичевана главой Ново-Нахичеванской и Бессарабской епархии Гавриилом Айвазовским в 1857 г. [1, с. 220]. Правда, школу, по настоянию А.М. Халибова открыли в г. Феодосии [1, с. 221]. Уже в 1871 году школа была закрыта. Г. Айвазовский не отказывался от намерения открыть в Нахичевани семинарию. За помощью обращался, опять-таки, к А.М. Халибову. Тот отказал, сославшись на плохое отношение к себе своих земляков [2, с. 448]. Тем не менее в 1873 году с согласия католикоса, предполагалось перевести школу Халибова в Нахичевань с перепрофилированием ее в духовную семинарию. Городская дума дала свое согласие; даже был утвержден Попечительский совет школы, которую планировалось открыть в феврале 1875 года. Однако Екатеринославский губернатор И. Дурново отменил открытие, поскольку она не имела Устава, утвержденного высшими властями [1, с. 222]. В 1880 году императором Александром II утверждается положение об епархиальной школе, согласно которому открывающаяся в Нахичевани духовная семинария должна была содержаться за счет отчислений епархии, доходов от здания школы [2, с. 448]. В 1881-1882 гг. открываются два класса школы (1-й и 2-й) и три подготовительных – младший, средний и старший. Впоследствии число классов выросло до шести и обучалось в ней до 250 человек [2, с. 451]. На углу Базарной площади и 26-й линии Ново-Нахичеванская и Бессарабская епархиальная школа имела собственное двухэтажное здание, отведенное в 1884 году Городской думой. Доходы от размещенных на первом этаже лавок принадлежали школе [1, с. 223].

В 1882 году в Нахичеванскую Духовную семинарию был назначен учителем Ерванд Овакимович Шахазиз. Е.О. Шахазиз родился 13 января 1856 года в городе Аштарак (Александрополь) в религиозной, патриархальной семье [4, с. 3]. В 1870 году он окончил ереванскую уездную школу, был отправлен в Моск-

ву и помещен в гимназическое отделение Лазаревского института восточных языков. После успешного окончания гимназического курса юноша продолжал учиться в этом институте, затем в Московском университете. В Нахичеванской духовной семинарии он проработал 40 лет, вплоть до 1922 года. Он был учителем, помощником инспектора, инспектором, а затем и ректором Нахичеванской духовной семинарии. Здесь он вел активную научную, педагогическую и творческую деятельность [4, с. 3].

Основная работа Е. Шахазиза «Нор-Нахичеван и нор-нахичеванцы» (Тифлис, 1903) является историко-этнографическим исследованием. Структурно работа делится на четыре самостоятельных раздела: исторический обзор, в котором излагается история переселения армян из Крыма и основание Нор-Нахичевани, история церкви Нор-Нахичевани; обряды и обычаи нахичеванцев, современное на тот период положение нахичеванцев и их домашний быт. В ряду использованных источников автор называет работы К. Кушнарянца «История переселения из Крыма», рукописную тетрадь архиепископа И. Аргутинского [5]. Менее известны три другие работы Е. Шахазиза, посвященные различным проблемам истории и культуры Нор-Нахичевани: «История педагогического искусства Нор-Нахичевани» (Нор-Нахичеван, 1894), «История церкви Сурб-Хач» (Тифлис, 1901), «Исторические портреты» (Тифлис, 1903).

Помимо создания научных трудов Ерванд Овакимович занимался и сохранением исторического наследия донских армян. В 1908 году он принял решение открыть в здании семинарии музей. По замыслу Шахазиза «...в музее будут храниться древности, относящиеся к прошлому разных народов, преимущественно древности армянские» [3. л. 1]. Он полагал, что армянских древностей «в Нахичевани по свидетельству местных жителей, довольно много, от приведенных сюда из Тавриды предками нахичеванцев в последней четверти XVIII столетия. Если же вспомнить, что переселившееся в Нахичевань из Таврического полуострова армяне не исконные жители Крыма, а потомки армян-переселенцев из города Ани и его окрестностей, то можно сказать с некоторой уверенностью, что многие из имеющихся в нашем городе древностей восходят к более отдаленным, чем

указанный период жизни армянского народа именно ко времени процветания Ани в царствование в Армении династии Багратидов в X-XI веках» [3, л. 1]. Шахазиз писал, что данные материалы находятся в частных руках и «обречены на гибель» [3, л. 1]. Искренне желая сохранить древности для потомков и ученых, Шахазиз обращался к Нахичеванской-на-Дону городской Управе, в письме от 21 февраля 1908 года с просьбой: «...принести в дар музею хранящиеся в управе армянский судебник, грамоту и привилегии, дарованные армянскому народу, и вообще все те из магистратских дел и других вещественных памятников, которые посвящены прошлой жизни армян...» [3, л. 1]. Для хранения он просил выделить один шкаф [3, л. 1]. Городская управа в ответном письме от 3 апреля того же года писала: «Городская дума в заседании своем 14 марта с.г. рассмотрев просьбу Вашу о передаче имеющихся в городской управе древностей устраиваемому при семинарии музею, постановила: передать в ведение семинарии для музея лишь те древности, которые имеют только археологическое значение, причем поступающую от городского общественного управления в музей предметы хранить в особом шкафе, под наименованием «городского». О чем городская управа имеет честь уведомить Вас, милостивый государь» [3, л. 3].

Таким образом, Нахичеванская духовная семинария сыграла довольно большую роль в образовательной среде Нахичевани-на-Дону, ее выпускники становились священниками, занимали высокие чины в иерархии ААЦ, становились видными учеными. Ее учитель, ректор Ерванд Овакимович Шахазиз сам вел неустанную работу по истории Нахичевани-на-Дону, города, в котором он много лет жил и работал. Благодаря Е.О. Шахазизу, Нахичеванская семинария стала не только образовательным, но и культурно-просветительским центром после основания в ней музея древностей.

Литература

1. Армянские церкви Новой Нахичевани. Исторический путь. Ред. Вирабян А.С. Казаров С.С. Пер. с арм. Н. Балбабян. Ростов-на-Дону, 2017.

2. *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779-1917) / Ред. С. Дароян, В.Хачатурян; пер. с арм. Н. Григорова. Ереван, 1996.

3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 1450.

4. *Шахазиз Е.О.* Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичавана. Ростов-на-Дону, 2005.

5. [http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m14/2/art.aspx?art_id=219 дата обращения 30.03.2019].

Г.Л. Беленький

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН
И ВЕРЫ ПАНОВОЙ КАК ИСТОЧНИК
КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
О РОСТОВЕ-на-ДОНУ И НАХИЧЕВАНИ-на-ДОНУ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

Наряду с Мариэттой Сергеевной Шагинян, писательницей, связанной творческими отношениями одновременно и с Ростовом-на-Дону и Нахичеванью-на-Дону, следует упомянуть имя Веры Федоровны Пановой. В.Ф. Панова родилась в Нахичевани-на-Дону, жила и работала здесь. Если М.С. Шагинян провела в нашем городе (с перерывом) в общей сложности около семи лет, то В.Ф. Панова – более тридцати лет.

Конечно, следует учитывать, что Вера Панова на 17 лет моложе Мариэтты Шагинян, и в период революции и Гражданской войны была еще девочкой и девушкой-подростком. Живя в одном городе, М.С. Шагинян и В.Ф. Панова вряд ли могли познакомиться даже случайно и тем более общаться. Примерно через два года после окончательного установления Советской власти в Ростове и Нахичевани Мариэтта Сергеевна покинула город и вернулась в столицу, а Вера Федоровна жила и работала в Ростове почти до конца 1930-х годов.

И, тем не менее, обеих женщин многое объединяет. Обе начинали свою литературную деятельность с журналистики. Обе стали видными писателями. На втором съезде советских писателей в 1954 году обе были делегатами и общались там. Бо-

лее того: в своем выступлении на съезде Мариэтта Шагинян положительно отозвалась о Вере Пановой и ее повестях – душевных, с истинно женским взглядом на мир, что, кстати, сделало тогда книги Веры Пановой весьма популярными у читателей. По книгам и сценариям В. Пановой были сняты отличные фильмы, в том числе фильм «Сережа».

У этих женщин-писательниц были непростые литературные и личные судьбы. И, что для нас особенно важно, – обе сохранили чувство привязанности к Ростову-на-Дону и создали литературные произведения, напрямую связанные с нашим городом. Жизнь в Ростове не могла не сказаться на содержательной стороне их произведений – причем как чисто литературных, так и мемуарных. Обе в конце жизни написали мемуары, которые до сих пор вызывают живой читательский интерес, поскольку показывают значимые штрихи истории, литературной и общественной жизни Ростова и Нахичевани.

Все это позволяет сделать однозначный вывод о том, что произведения Мариэтты Шагинян и Веры Пановой являются для нынешних историков, краеведов и просто интеллигентных людей весьма ценным источником краеведческой информации о Ростове-на-Дону первой трети XX века. Многие документы и газетные подшивки тех лет пропали во время Великой Отечественной войны, а другие просто не архивировались во время Гражданской войны и в первое время после нее – пока заново создавалась уже советская система архивов, что потребовало немалого времени. Вот почему воспоминания свидетелей того времени представляют особую ценность для истории – даже несмотря на то, что мемуары, написанные нередко спустя много десятилетий после описываемых событий, могут содержать, к сожалению, фактические ошибки. Поэтому к таким источникам нужно относиться с некоторой долей осторожности. Но если других источников информации просто нет, то пренебрегать воспоминаниями современников также никак нельзя.

Итак, какие же произведения Мариэтты Сергеевны Шагинян, написанные как по следам событий, так и десятилетия спустя, уже в весьма пожилом возрасте (как известно, она завершила свою мемуарную книгу «Человек и время» в 90 лет) по-

прежнему ценны для сегодняшнего читателя – и прежде всего для читателя, интересующегося ростовским краеведением?

Событиям в Ростове и Нахичевани в революционном 1917 году (начиная с Февральской революции) и в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции целиком посвящена книга М.С. Шагинян «Перемена» (авторское определение жанра – «быль», написана и впервые опубликована в 1923 году). Представляет безусловный краеведческий интерес описание общественной, культурной и бытовой жизни в Ростове и Нахичевани в переломное время Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны. Отдельные фрагменты книги «Перемена» связаны с колоритными фигурами той эпохи на Юге России. Многие деятели того времени даны в «Перемене» непосредственно под своими именами – один из лидеров донских большевиков Сергей Сырцов, белогвардейские командиры Каледин и Корнилов, казачий атаман Краснов, ростовский градоначальник Граков; другие – вымышлены, но некоторые из этих персонажей однозначно имеют реальных прототипов. К примеру, погибшая от рук белогвардейцев в ростовской тюрьме студентка передислоцированного в Ростов Варшавского университета Этель Борко, именем которой уже в относительно недавнее время названа улица в Ростове, а на одном из зданий университета установлена мемориальная доска, выведена в «Перемене» под именем Ревекка. Юная девушка-еврейка, сотрудничавшая с находившимися в подполье большевиками и всей душой поддерживавшая революционные идеи, поплатилась за это жизнью. Собственно, об этой трагической и одновременно героической истории и стало широко известно именно из книги Мариэтты Шагинян, а потом уже, сопоставляя факты, историки и журналисты нашли доказательства того, что Ревекка – это и есть Этель Борко.

Ярко описан в конце книги «Перемена» «судный день» (день освобождения Ростова и Нахичевани от белых – в главе с этим названием), причем с явной симпатией к новой власти. Особенно удался автору образ еще одной юной девушки – Куси, которая пришла в революцию именно в период Гражданской войны. Надо полагать, что таких девушек (как и молодых людей) было

немало. Также в повести «Перемена» художественно выразительно показаны ростовские революционеры-подпольщики, многие из которых были расстреляны белогвардейцами в Балабановской роще на окраине Нахичевани (ныне – парке имени Николая Островского). Как рассказывал известный ростовский журналист Борис Петрович Агуренко, некоторые сведения об этом, работая над своими краеведческими очерками и книгами об истории Гражданской войны в Ростове и Нахичевани (в частности, о ростовском большевике-подпольщике Егоре Мурлычеве) он использовал именно из книги М.С. Шагинян «Перемена».

Названия городов – Ростов и Нахичевань – даны в книге «Перемена», как они есть. Думается, это лишний раз подтверждает тщательный отбор фактов автором книги, которая практически весь период власти белых в Ростове и Нахичевани провела в этих городах, и, непосредственно не участвуя в революционном подполье, явно сочувствовала ему и по-журналистски и по-писательски наблюдала и записывала в блокнот свои впечатления от увиденного, услышанного и осмысленного.

Повесть «Перемена» (возможно, в журнальном варианте) была прочитана тяжело больным В.И. Лениным, который это произведение одобрил и похвалил, о чем впоследствии рассказал известный литературный критик А. Воронский.

Надо сказать, что в массово-политической литературе ранних советских лет годы Гражданской войны в Ростове обычно описывались как период сплошных боевых действий. Читая же книгу Мариэтты Шагинян, написанную по следам событий, такого впечатления не складывается. Конечно, были тогда и расстрелы, и ответные диверсии, и постоянные «визиты» по квартирам горожан полицейских и жандармов с целью убедиться, что здесь большевики не скрываются... А может, и скрываются... Но одновременно эти почти два года были и временем культурного всплеска, ибо сюда, в Ростов, после Октябрьской революции перебрались на жительство многие не согласные с Советской властью деятели культуры из Москвы и Петрограда. В городе работали театры, «крутили» кино, проводились как симфонические, так эстрадные концерты. Продолжал ходить трамвай. Города наши почти не пострадали тогда от обстрелов за неимени-

ем таковых – вплоть до января 1920 года. Да и взят Ростов Красной армией в январе 1920 года был достаточно быстро и без серьезных потерь и разрушений. Просто время белых закончилось. Они потерпели историческое поражение. Обо всем этом – напрямую или в слегка завуалированной форме – также можно узнать сегодняшнему читателю из книги «Перемена», явно не случайно носящей четкий подзаголовок «Быль». А значит, автор и не стремилась к художественному вымыслу, она просто писала осмысленную ею историю того времени, которое довелось ей пережить именно в этих двух соседних и уже тогда почти слившихся городах.

В мемуарах «Человек и время», в отличие от «Перемены», действие которой завершается 9 января 1920 года, т.е. в первый день после изгнания белогвардейцев из Ростова – весьма подробно проанализированы также и события первого полного советского года в Ростове и Нахичевани, – т.е. 1920-го, когда во всей своей полноте и противоречивости в городе наступила совершенно другая эпоха, открывшая перед многими людьми новые, доселе невиданные горизонты. И уже только поэтому мемуары М.С. Шагинян являются ценнейшим источником краеведческой информации, поскольку период этот вообще не слишком подробно описан историками. Архивных материалов за этот период сохранилось мало: новые власти тогда не сразу наладили архивное дело. А газеты были в первые советские годы в большей степени «агитками», делавшимися не слишком профессионально из-за того, что профессионалы-журналисты в значительной степени покинули страну и должно было пройти время для того, чтобы у новой власти выросли собственные журналистские кадры.

Жанр книги «Человек и время» может быть определен как «исповедально-философские мемуары пожилого человека», размышления «перед заходом солнца». Все это, однако, не исключает того, что в той части мемуаров, где речь идет о годах, проведенных Мариэттой Сергеевной Шагинян в Ростове и Нахичевани, также содержится ценная бытовая информация – о том, как тогда жили люди, как работали, как отдыхали, как ездили по городу, где покупали продукты и многое другое.

Ценным краеведческим источником является и очерк М.С. Шагинян «Как я была инструктором ткацкого дела». Этому очерку дана новая жизнь – спустя многие десятилетия он вошел в изданную в Ростове в 2018 году книгу М.С. Шагинян «Проблемы образования и воспитания». Речь идет об уникальном эпизоде как в жизни самой М.С. Шагинян, так и в жизни города. В этом очерке, опубликованном впервые во втором номере журнала «Новая Россия» за 1922 год, Мариэтта Сергеевна рассказывала о создании в нашем городе первых зачатков новой, советской системы профессионально-технического образования. И в этой работе она участвовала лично – не как журналист, а как преподаватель профессиональной школы, что оставило неизгладимый след в ее дальнейшей жизни и о чем она впоследствии много раз вспоминала как о факте ее прямого участия в после-революционном практическом деле.

Значительный интерес представляют и статьи (по авторскому именованию – «фельетоны») Мариэтты Сергеевны Шагинян, публиковавшиеся в предреволюционные годы, начиная с 1911 года, в крупнейшей ростовской газете того времени – «Приазовский край». Однако ожидать в этих статьях что-либо непосредственно связанное с Ростовом и Нахичеванью, к сожалению, ростовским краеведам не приходится. Газета была отнюдь не регионального уровня, именовала себя «ежедневной политической, экономической и литературной» и поэтому имела в столичных российских городах постоянного корреспондента, который должен был присылать три раза в месяц свои материалы на сложные общественно-политические и экономические темы. Именно Мариэтта Шагинян и была в 1911-1917 гг. таким корреспондентом. Она присылала свои материалы в ростовскую газету из Москвы, Санкт-Петербурга и даже из Германии. При этом молодой талантливой журналистке было тогда немногим больше двадцати лет. Для Мариэтты такого рода публикации были способом заработка средств к жизни. При этом Мариэтта Шагинян ощущала себя, прежде всего, москвичкой, где и родилась в семье приват-доцента Московского университета. Впрочем, в революцию искренне входили тогда многие люди из обеспеченных слоев общества. Идея революции оказалась для них весьма

привлекательной, потому что революция – это «всегда движение вперед». И вовсе не случайно К. Маркс называл революцию «локомотивом истории».

Вера Федоровна Панова и Мариэтта Сергеевна Шагинян не слишком похожи друг на друга. М.С. Шагинян получила более глубокое образование, занималась не только чистым литературным творчеством, но и настоящей наукой, имела ученую степень доктора наук, была членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР. У В.Ф. Пановой высшего образования не было, и даже законченного гимназического образования она не получила, поскольку ее молодые годы совпали с революцией, Гражданской войной и трудными первыми советскими годами. Однако вспомним «мои университеты» Максима Горького, который понимал под ними вовсе не учебу в вузе. Не имея высшего образования, Максим Горький стал писателем мирового уровня! Тут дело не в наличии диплома, а в степени таланта.

Всех этих качеств у Веры Федоровны Пановой тоже было достаточно. В центре внимания связанных с Ростовом книг В.Ф. Пановой – «Сентиментального романа» и мемуарной книги «Мое и только мое: о моей жизни, книгах и читателях» – жизнь в Ростове в 1920-х гг., как жизнь в целом, так и в более узком аспекте – литературная и особенно журналистская. Обе эти книги по содержанию в значительной мере похожи. Только одна из них – чисто художественная, а другая – мемуарная.

Достаточно подробно рассказывает Вера Панова о внутренней редакционной жизни в ростовских газетах «Трудовой Дон» (с 1924 года переименована в «Молот» – в «Сентиментальном романе» эта газета выведена под характерным названием «Серп и молот»), «Советский Юг», «Молодежь Дона» (ныне «Наше время»), «Советский пахарь», «Ленинские внучата». В некоторых из этих газет начинающая журналистка Вера Панова (псевдоним – Вера Вельтман – что переводится как «человек мира») работала в качестве штатного сотрудника, в других – только публиковалась. Кстати, на работу в «Ленинские внучата» умеющую писать ДЛЯ ДЕТЕЙ, что не все даже очень хорошие журналисты умеют, Веру Панову пригласил ростовский журна-

лист, редактор и известный детский писатель Полиен Яковлев, о котором Вера Панова тепло рассказала в своих мемуарах.

Надо сказать, что Вера Панова пришла работать в редакцию «Трудового Дона» в 1922 году, когда ей было всего 17 лет – поначалу еще не на журналистскую должность (она занималась в редакции организацией подписки). Но уже в 1923 году она попробовала писать свои первые журналистские работы. И вскоре ее перевели на должность корреспондента.

Именно в 1923-1924 гг. происходят и основные события «Сентиментального романа». Многие события ростовской и нахичеванской жизни в романе описаны от лица литературного героя Пановой – начинающего журналиста Шуры Севастьянова, которому автор романа как бы подарила немалую часть своих собственных воспоминаний о том непростом времени становления новой эпохи.

«Сентиментальный роман» закончен и издан в 1958 году, когда В.Ф. Панова была уже достаточно известной писательницей. Ей перевалило за пятьдесят, когда она пережила арест несправедливо обвиненного в антисоветской деятельности мужа-журналиста. В отличие от шагиняновской «Перемены», в «Сентиментальном романе» ни Ростов, ни Нахичевань не названы своими именами. Действие происходит в городе ***, однако тут столько удивительно ярко и талантливо показанных деталей нашего города (тогда еще, впрочем, двух соседних городов), что не узнать в описываемом городе Ростов и его «пригород» (под которым имеется в виду Нахичевань), в котором живут многие герои романа, просто невозможно.

Вот именно эти ростовские и нахичеванские детали и являются ценной краеведческой информацией. Писала свой роман Вера Панова, известная писательница, спустя 30 лет после описываемых событий. Показывая город своей юности, В.Ф. Панова была по-журналистски точна, особенно в описании ростовской редакционной жизни. И по многим деталям видно, что ей можно в этих описаниях полностью доверять.

По сравнению с книгами Мариэтты Шагинян в произведениях Веры Пановой гораздо больше живых фактов городской жизни как предреволюционных, так и послереволюционных лет, а

затем и времени нэпа. Интересно, что многие улицы, церкви, сады, рощи, учебные заведения, клубы, даже спортивные сооружения типа яхт-клубов названы в романе (а тем более в мемуарах) под своими реальными именами, хотя сам город и спрятан в «Сентиментальном романе» под тремя звездочками *** (впрочем, то, что он южно-российский – сказано четко). Время от времени, переходя от журналистского взгляда к писательскому, автор в романе меняет некоторые реальные названия. Так, улица Энгельса – бывшая и нынешняя Большая Садовая – у нее в романе – Коммунистическая, а Таганрогский (ныне Буденновский) проспект – Мариупольский (наверное, потому, что от Таганрога до Мариуполя совсем недалеко). Редактор газеты Филон в романе – Дробышев. Но тут же – реальные названия клубов, которые в то время действительно имелись в Ростове – металлистов, коммунальников... И улицы-линии, прежде всего 1-я линия, на которой жила сама Вера Панова – тоже в романе настоящие. В.Ф. Панова «поселяет» на эту линию двух главных женских персонажей своей книги – Зойку-большую и Зойку-маленькую. Разумеется, в вышедшей намного позже мемуарной книге «Мое и только мое...» проявляются и многие другие детали ростовской и нахичеванской жизни, которым в романе не нашлось места – например, женская гимназия С.Я. Любимовой, в которой четыре года проучилась юная Вера Панова и вынуждена была ее покинуть, потому что семья, оставшаяся без погибшего по неосторожности отца, не могла оплачивать ее дальнейшую учебу. Пришлось юной способной девушке зарабатывать на жизнь частными уроками.

Но, пожалуй, самой потрясающей деталью романа стало описание строительства знаменитого театра имени Горького. Следует процитировать один фрагмент, который привнес в ростовское краеведение удивительный факт (и он подтвердился позднее найденными архивными источниками): на стройплощадку театра была продлена железнодорожная ветка, изначально проложенная на завод «Жесть-Вестен» («Эмаль-посуда») и на территорию Водоканала. По нынешней главной аллее парка Революции к стройплощадке театра пыхтящие паровозы привозили оборудование и строительные материалы – вот такая огромная

была стройка! В.Ф. Панова нашла способ встроить в роман главку о начале 1930-х гг., когда шла эта стройка – как воспоминания его главного героя Шуры Севастьянова, ставшего после работы в «Серпе и молоте» журналистом столичной газеты, о своей командировке в Ростов. Было это в те времена, когда советские люди, несмотря на все непростые проблемы в стране, явственно хотели жить по принципу – «Быстрее всех, выше всех, больше всех». И не просто хотели – на самом деле так жили. Потому и построили тогда самое большое и самое оригинальное театральное здание во всем мире. И потому по сей день в Лондоне макет нашего театра, наряду с макетом храма Василия Блаженного в Москве, представляет в музее архитектуры российскую архитектуру.

Интересно, что и многие другие свои личные воспоминания Вера Панова вложила в уста своего литературного героя. Ведь это не Шура, а сама Вера Панова, тогда 30-летняя женщина, работая в центре Ростова, нередко ходила «на службу» (как тогда говорили) в ростовские редакции – пешком, со своей 1-й линии через нынешнюю Театральную площадь. И своими глазами видела поразительную картину стройки самого большого в то время театрального здания в мире. Вот как сочно описана эта стройка в «Сентиментальном романе», как бы от имени Шуры: «Шел, бывало... мимо каменных домов и чугунных решеток, и прямо с тротуара ступал в бархатную пыль степной дороги, нагретой солнцем. Булыжная мостовая с трамвайными рельсами выбегала в распахнутое поле и пересекала его.

По одну сторону рельсов тянулся пустырь, где в ярмарку ставили карусели, качели, балаганы. За пустырем – мусорные свалки, угольные склады и прокопченный, рабочий, неприбранный берег реки.

По другую сторону сеяли хлеб. Вдоль хлебного поля, параллельно трамваю, была протоптана дорожка, ее обсадили молодыми акациями. Колосья кивали проходящим горожанам, дикие травы подступали к дорожке, повилика забрасывала на нее свои длинные побеги с маленькими розово-белыми «граммофончиками».

В начале 1930-х гг. на «границе» строили театр... Севастьянов приехал тогда из Москвы в командировку и не узнал знакомого места. Поле было изрыто котлованами, завалено строительными материалами, ходили паровозы, выбрасывая свои кучевые облака, в облаках передвигались краны... Театр построили великолепный, с самой большой и самой усовершенствованной в мире сценой, из самых дорогих материалов, во всех газетах писали о нем».

Долгое время многие нынешние ростовские краеведы считали факт прокладки на стройплощадку театра грузовой железнодорожной ветки выдумкой писательницы – уж слишком необычным и даже уникальным был этот факт. Однако проведенный мною архивный поиск полностью подтвердил, что такая ветка действительно имела. Нашлась даже схема этой железной дороги – как ответвления от промышленной ветки, ранее проведенной на завод «Эмаль-посуда» (затем «Рубин») от станции Нахичевань-Донская (ныне Ростов-товарный).

Мемуарная книга «Мое и только мое...» Веры Пановой, конечно, рассказывает не только о ростовском периоде ее жизни, но и о всей последующей, в которой были и Ленинград, и скитания по оккупированной гитлеровцами Украине, и возвращение в Ленинград и длительная творческая командировка в тогдашний город Молотов (ныне Пермь), итогом которой стали повесть «Кружилиха» (о знаменитом Мотовилихинском заводе, производившем пушки), а затем и роман «Времена года», в котором Пермь именовалась Энском... Послевоенная жизнь, работа уже не только над повестями и романами, но и над киносценариями, захватила В.Ф. Панову, в Ростове она теперь бывала редко. Однако когда в 1960-х гг. постаревшая писательница стала работать над мемуарами, обойтись без родного города, в котором она прожила 33 года, было уже невозможно. К сожалению, в завершеном виде мемуарная книга В.Ф. Пановой вышла уже после ее ухода из жизни, в перестроечные годы, когда людям зачастую было не до книг, в том числе и не до мемуаров даже весьма интересных людей. Может быть, поэтому книга эта мало известна в Ростове до сих пор, хотя содержит множество уникальных фактов жизни в нашем городе в предреволюционные

годы, в период революции и Гражданской войны и, разумеется, в первые полтора послереволюционных десятилетия. Что касается журналистской и литературной жизни Ростова в 1920-1930 годы, то по этой теме книга В.Ф. Пановой вообще, на наш взгляд, уникальна и должна быть прочитана каждым ростовчанином, интересующимся историей своего родного города.

Думается, что и «Сентиментальный роман», и мемуары «Мое и только мое...» Веры Пановой, которые не выпускались уже по 20-30 лет, следует переиздать – они наверняка найдут своих читателей в нашем городе – как среди старших, так и младших поколений. Это же относится и к книге Мариэтты Шагинян «Перемена», также уже несколько десятилетий не переиздававшейся. Город, жизнь которого стала главным содержанием этих неординарных литературных произведений, должен, наконец, издать книги о себе – и это будет искренней благодарностью ростовчан своим замечательным землячкам. Они не должны быть забыты уже хотя бы потому, что по-настоящему любили тот город, в котором мы и сегодня живем.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1986-1989.
2. *Шагинян М.С.* Гидроцентральный. Перемена. М., 1949.
3. *Шагинян М.С.* Человек и время. М., 1982.
4. *Шагинян М.С.* Как я была инструктором ткацкого дела (первая публикация – в журнале «Новая Россия», 1922 г., № 2) // (вторая публикация – М.С. Шагинян. Проблемы образования и воспитания. Ростов-на-Дону, 2018).
5. *Серебряков К.Б.* Уроки жизни. О М.С. Шагинян. М., 1977.
6. М.С. Шагинян о литературе и писателях. Ростов-на-Дону, 2015.
7. Шагинян Мариэтта Сергеевна. Большая Российская энциклопедия: в 35 т. Т. 34. М., 2017.
8. *Панова В.Ф.* Собр. соч.: в 5 т. Л., 1987-1989.
9. *Панова В.Ф.* Сентиментальный роман. М., 1985.
10. *Панова В.Ф.* Мое и только мое: о моей жизни, книгах и читателях. СПб., 2005.
11. *Нинев А.А.* Вера Панова: жизнь, творчество, современники. Л., 1980.

12. Писатели Дона. Библиографический указатель. Ростов-на-Дону. 1986.

13. Панова Вера Федоровна. Большая Российская энциклопедия: в 35 т. Т. 25. М., 2014.

М.Е. Журавлева, С.В. Алехин

«МИЛАЯ РЕ» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ С.В. РАХМАНИНОВА. ПОЭЗИЯ МУЗЫКИ

Мариэтта Сергеевна Шагинян была яркой, творческой личностью, поэтому неудивительно, что ее окружали замечательные, талантливые люди. Несомненно, что одной из ярчайших страниц жизни Мариэтты Шагинян является ее общение и переписка с гениальным русским композитором и пианистом мирового масштаба – Сергеем Васильевичем Рахманиновым. Этой теме посвящено немало статей, как научных изысканий, так и бездоказательных домыслов, основанных лишь на личном мнении их авторов, с претензией на скандальность и опорочивание дружбы этих двух незаурядных людей. Мы же в данной работе рассмотрим отношения М.С. Шагинян и С.В. Рахманинова, в первую очередь, с творческой точки зрения.

Поэт, прозаик, литературовед Владислав Ходасевич так описывал юную М.С. Шагинян: «Мне нравилась Мариэтта. Это, можно сказать, была ходячая восемнадцатилетняя путаница из бесчисленных идей... В идеях, теориях, школах, науках и направлениях она разбиралась плохо, но всегда была чем-нибудь обуреваема. Так же плохо разбиралась и в людях, в их отношениях, но *имела доброе сердце* (курсив наш – М.Ж., С.А.) и, размахивая картонным мечом, то и дело мчалась кого-нибудь защищать или поражать». И даже если получалось так, что в итоге она «поражала добродетель и защищала злодея», то, как отмечал Ходасевич, «...все это делалось *от чистого сердца и с наилучшими намерениями* (курсив наш – М.Ж., С.А.)» [См.: 1]. Да, Мариэтта Шагинян была эмоциональной, увлекающейся натурой, искренне желающей помочь «не погибнуть» творческой личности.

Чем являлась музыка для М. Шагинян? Музыка окружала ее постоянно: в гимназии, дома, в гостях. Ее мать была прекрасной

пианисткой, тетя занималась пением у итальянца Л.И. Джиральдони. В московской гимназии Л.Ф. Ржевской, где обучалась Мариэтта, огромное внимание уделялось занятиям музыке: игре на фортепиано, урокам по теории и гармонии, хоровому пению, которое преподавал Михаил Слонов, друг Сергея Рахманинова по консерватории. Обязательным методом обучения считалось посещение концертов, поэтому Мариэтта бывала на выступлениях Рахманинова и других известных исполнителей. В студенческие годы музыка, по словам М.С. Шагинян, превратилась для нее в потребность, а в зрелые годы – в философски обсуждаемые проблемы; состояние музыки считалось показателем «здоровья или неблагополучия культуры в целом».

С.В. Рахманинов был в зените славы, однако, несмотря на признание публики, его волновало отношение к его творчеству профессиональных музыкальных кругов, где его упрекали в эклектизме – смешении разнородных стилевых элементов. Заметим, что в те годы было принято обвинять в эклектизме всё, что, по выражению М.С. Шагинян, «не носило элементов формальной новизны». «Как объяснить и раскрыть это «индивидуально рахманиновское»? Оно заключалось для меня в той родниковой творческой силе, которая вдруг у одиночки-творца вливается в русло устоявшейся, могучей традиции родного искусства, знакомого с детских лет, и, поддержанное всем массивом этой традиции, оно поднимает свой собственный голос, становящийся на фоне ее вовсе не «повторяемым эклектически», не «эпигонским», а, как дети рядом с родителями, – все более крепнущим, мужающим, все более узнаваемым именно в своем индивидуальном отличии от прошлого, от «отца с матерью», – так позже описывала свои чувства к Рахманинову-музыканту Мариэтта Шагинян [См.: 2].

15 марта 1897 года в Санкт-Петербурге состоялась премьера Первой симфонии С.В. Рахманинова, закончившаяся полным провалом. Дирижировал Александр Глазунов. С.В. Рахманинов писал 6-7 мая 1897 года А.В. Затаевичу: «Он ничего не чувствует, когда дирижирует... Я допускаю, что *исполнение* (*курсив* наш – М.Ж., С.А.) могло быть причиной провала... Если бы эта Симфония... была бы знакома публике, то она обвиняла бы ди-

рижера... если же вещь незнакома и плохо исполнена, то публика склонна обвинять композитора» [3, I, с. 262]. Непрофессионализм дирижера, непонимание им музыки С.В. Рахманинова подтверждает и известный музыковед, критик А.В. Оссовский [См.: 4]. Провал симфонии очень сильно повлиял на С.В. Рахманинова. Почти три года он практически ничего не писал, впав в депрессию. Мариэтте Шагинян в год премьеры симфонии было 9 лет, она не могла слышать ее первого исполнения. Спустя полвека в исполнении дирижера Курта Зандерлинга симфония ее утомила и не убедила. Однако здесь можно не согласиться с ее мнением. Исполнение Первой симфонии С.В. Рахманинова, когда дирижировал Александр Гаук, прошло с огромным успехом в Москве 17 октября 1945 года.

Как бы то ни было, за месяц до 15-летия провального исполнения Первой симфонии, в феврале 1912 года, Мариэтта решила написать Рахманинову письмо, вложив в него всю свою веру в силы композитора. На это письмо, подписанное нотой *Re*, Сергей Васильевич охотно ответил. «Дружба в письмах», по меткому выражению М.С. Шагинян, длилась пять лет. На каждое письмо С.В. Рахманинова приходилось около десятка писем М.С. Шагинян. «Я упорно убеждала его, что он нужный народу творец», – писала М.С. Шагинян в своих «Воспоминаниях о С.В. Рахманинове» [См.: 2]¹. Мало того, молодая поэтесса отчитывала известного музыканта, указывала на его недостатки. И, видимо, именно такого отношения к себе как творческой личности и недоставало С.В. Рахманинову в его окружении.

Отношение С.В. Рахманинова к поэтической основе своих произведений лучше всего выражено им самим. «Меня очень вдохновляет поэзия. После музыки я больше всего люблю поэзию... У меня всегда под рукой стихи, – писал С.В. Рахманинов. – Поэзия вдохновляет музыку, ибо в самой поэзии много музыки. Они – как сестры-близнецы» [3, I, с. 95].

¹ Здесь и далее цитаты из этой книги даются по материалам сайта «Сенар», посвященного жизни и творчеству С.В. Рахманинова, – <https://senar.ru>

А уже 15 марта 1912 года, в своем втором письме к ней, С.В. Рахманинов писал М.С. Шагинян: «Милая моя Ре, Вы на меня не рассердитесь, если я обращаюсь к Вам с просьбой?.. Мне нужны тексты к романсам. Не можете ли Вы на что-либо подходящее указать? *Мне представляется, что «Ре» знает много в этой области, почти всё, а может быть, и всё* (курсив наш – М.Ж., С.А.)» [3, II, с. 43]. Надо заметить, что Михаил Слонов и Мария Керзина, друзья С.В. Рахманинова, тоже по его просьбе подготавливали для него стихи [8, с. 155]. Но случайна ли эта просьба, обращенная к незнакомке? Несомненно, нет. Уже из нескольких писем Мариэтты Сергей Васильевич понял, что имеет дело не просто с юной восторженной почитательницей его таланта, а с человеком утонченного вкуса, разбирающимся и в поэзии, и в музыке, с пламенной светлой душой, в будущем большим мастером слова.

Не так уж много стихов из заботливо отобранных для него М.С. Шагинян, использовал С.В. Рахманинов. Они составили основу романсов ор. 34, а также шести романсов ор. 38. «Крысолов» В. Брюсова, «Сон» Ф. Сологуба и ряд других романсов на стихи русских поэтов он создал по переписанным и приготовленным ею текстам. Нетривиальность предложенной М.С. Шагинян ритмики, неординарность восприятия структуры поэтического текста привлекали С.В. Рахманинова. «Обычно я старалась «начитать» их для него графически: *давала рисунок ритма стиха, рисунок интонационного движения стиха, раскрывала с помощью этих рисунков заложенную в самом стихотворении его собственную мелодию* (курсив наш – М.Ж., С.А.). Очень подробно анализировала Пушкина, мелос которого неисчерпаем для музыкантов», – скромно вспоминала о своей кропотливой и бесценной работе для С.В. Рахманинова Мариэтта Сергеевна [см.: 2]. Понимать музыкальность стихов она научилась у поэта Владислава Ходасевича, который прекрасно читал Пушкина. «Подобно ему, я проанализировала в письме к Рахманинову пушкинскую «Музу», рассказав, как медленно и последовательно вступают у Пушкина в строй семь стволов пастушьей «цвницы семиствольной», как музыка, разрастаясь, становится все более ликующей и как муза, «радуя меня наградою

случайной», сама берет из рук ученика свирель, и все заканчивается классическим дифирамбом, когда «тростник был напоен божественным дыханием»... Рахманинов написал романс на этот текст и посвятил его мне», – рассказывала М.С. Шагинян в своих «Воспоминаниях о С.В. Рахманинове» [см.: 2]. Да, первый вошедший в сборник оп. 34 романс «Муза» на стихи А.С. Пушкина посвящен ей, Re. Первый и единственный. Мариэтту даже задевало то, что другие романсы были посвящены не ей, ведь в подбор текстов для С.В. Рахманинова она вкладывала столько сил своей молодой натуры. Но этот опыт помогал развиваться ее творчеству. «Моя диссертационная работа «Границы поэзии и музыки», – с благодарностью обращается она к С.В. Рахманинову, – опять будет посвящена Вам в память о той благодатной для меня нежности, с какою я для Вас думала о тексте и которая впервые натолкнула меня на проблему соотношения музыки и слова. Сейчас – это моя новая наука» [цит. по: 8, с. 164]. Кроме рассказа «Стихотворение» М.С. Шагинян посвятила С.В. Рахманинову создававшийся в 1911-1912 гг. цикл стихов «Ориенталия».

Их знакомство произошло необычно. «5 декабря 1912 года Рахманиновы уезжали за границу. В первых числах декабря... на одном из концертов я прошла в артистической совсем близко от него и, проходя, не удержалась и взглянула на него. Вдруг он, все так же молча, сидя на своем месте, протянул свою большую белую руку и удержал меня за платье. Я так и осталась стоять возле его кресла, неожиданно пойманная им. Словно мы сто лет были знакомы, он подозвал жену и еще кого-то, встал и преспокойно, своим негромким, но удивительно внятными голосом представил им меня по имени и фамилии. Зная от Слонова, кто скрывается под «ноткой Re», он в то время еще не мог знать меня в лицо, и, когда я, удивленная, спросила его, как он угадал, Рахманинов ответил, что я на него «знакомо поглядела», – вспоминала Мариэтта Сергеевна [см.: 2].

В дальнейшем они неоднократно встречались. Однако во время Первой мировой войны переписка на время прервалась, и о жизни С.В. Рахманинова М.С. Шагинян станет узнавать от общих знакомых.

В 1915 году Мариэтта переехала к матери в Нахичевань-на-Дону (ныне часть Пролетарского района города Ростова-на-Дону). Читала лекции по эстетике и истории искусств в художественной школе, где работал М. Сарьян, преподавала в Донской консерватории (1914–1916), была корреспондентом газеты «Приазовский край».

С.В. Рахманинов пять раз выступал в Ростове-на-Дону – в 1911, 1913, дважды в 1915 и в 1917 году. 20 октября 1915 года С.В. Рахманинов выступал в Ростове-на-Дону с фортепианным концертом из произведений Александра Скрябина, что было большой неожиданностью для публики и критиков, так как обычно он играл свои произведения. На следующий день после концерта Сергей Васильевич и Мариэтта Сергеевна после полугодовой разлуки общались в доме ее матери в Нахичевани. М.С. Шагинян вспоминала: «...Ничего за полтора года в наших отношениях не изменилось, и встреча сразу зазвучала в прежней тональности, то есть все осталось таким же простым и легким для него, как было, – легким в смысле отдыха и отсутствия необходимости напрягаться. Конечно, сразу же, с первых минут мы заговорили о Скрябине и о том, почему Сергей Васильевич решил его играть: «Скрябин все-таки настоящий музыкант, милая Ре, и сам он при жизни, к сожалению, часто это забывал и другие забывали. Сейчас стремятся создать какую-то заумь, заумную школу исполнения Скрябина, и окончательно хотят похоронить то, с чем он родился на свет, то есть его природную музыкальность. Ну, а я слышу ее, всегда старался слышать в нем ее. И просто ведь долг одного, еще живого музыканта перед другим, покойным музыкантом – рассказать публике, как он слышит его музыку, – вот я и езжу по русской земле, рассказываю». Примерно так и я восприняла его игру: акцентирование на подлинно музыкальном в Скрябине, на том, что не изменяет музыке и не разрушает ее пределов» [см.: 2]. Мать угощала С.В. Рахманинова традиционными армянскими блюдами, он был весел, шутил. Однако перед отъездом совсем другим тоном сказал, что им надо поговорить. Разговор этот состоялся вскоре, 5 ноября 1915 года, и был он... о смерти. М.С. Шагинян вспоминала: «После ужина, до которого Рахманинов почти не

дотронулся, он по привычке ссутулился на старом дедовском кресле и спросил меня очень тревожным и нерешительным тоном: «Как вы относитесь к смерти, милая Ре? Бойтесь ли вы смерти?» ...Он, впрочем, как будто и не надеялся на ответ, а скорей стремился поделиться своим состоянием, чтобы найти в этом облегчение» [см.: 2]. Две смерти потрясли Рахманинова – смерть Александра Скрябина и Сергея Танеева, композитора и музыковеда. «...Страшно, если после смерти что-то будет. Лучше сгнить, исчезнуть, перестать быть, – но если за гробом есть еще что-то другое, вот это страшно. Пугает неопределенность, неизвестность! ...Личного бессмертия я никогда не хотел. Человек изнашивается, стареет, под старость сам себе надоедает, а я себе и до старости надоел. Но там – если что-то есть – очень страшно». Он вдруг как-то побледнел, и даже дрожь у него по лицу прошла. В это время моя мать принесла из кухни и поставила перед ним поджаренные в соли фисташки. Эти фисташки он очень любил... И сейчас он, незаметно для себя, увлекся ими, а потом придвинул к себе тарелку, посмотрел на них и вдруг засмеялся: «За фисташками страх смерти куда-то улетучился. Вы не знаете, куда?» ...Мать моя нажарила в соли фисташек (по его просьбе) и мы отвезли их ему на вокзал как «средство против страха смерти», – так записала М.С. Шагинян в «Воспоминаниях о С.В. Рахманинове» . [см.: 2].

Последняя встреча М.С. Шагинян с С.В. Рахманиновым произошла 28 июля 1917 года в Кисловодске. «Выступало в концерте много «знаменитостей», и цены были «аховые», – вспоминала М.С. Шагинян. – Из последних рядов глядели мы с мужем на сцену, и мне казалось, что я гляжу в обратные стекла бинокля на умалившееся, бесконечно далекое, уходящее прошлое... В июльский вечер 1917 года эти люди казались анахронизмом... Прочь уходило прошлое» [см.: 2].

С.В. Рахманинов сопровождал, а во втором отделении дирижировал «Марсельезой». После концерта говорили о революции. С.В. Рахманинов боялся за свое имение, за семью, сказал, что переедет «в ожидании более спокойного времени» за границу. «Я, – писала М.С. Шагинян, – как всегда, нападала на него, говорила, что уезжать сейчас из России – значит оторваться, по-

терять свое место в мире. Он слушал меня, как всегда, терпеливо и с добротой, но, я уже чувствовала, – далекий от моих слов, чужой» [см.: 2]. Больше они уже никогда не виделись.

Но остались воспоминания и письма, свидетельствующие об этой дружбе столь разных, однако взаимодополняющих друг друга людей, чей творческий союз был недолог, но так ярок! Мариэтта Шагинян, – автор свыше семидесяти книг (романов, повестей, рассказов, очерков, стихов) и около 300 печатных листов статей, рецензий, докладов, – заняла важное место в жизни и творчестве Сергея Васильевича Рахманинова. Она была человеком, способным *своим словом* встряхнуть, выдернуть из омота бесконечных страхов, порождающих депрессию, великого композитора. И если бы судьба не свела вместе этих талантливых людей, мы, возможно, не услышали бы множество прекрасных произведений С.В. Рахманинова.

Литература

1. *Ходасевич Вл.* Мариэтта Шагинян (из воспоминаний) // Согласие, апрель-май 1992. № 4-5.
2. *Шагинян М.С.* Воспоминания о С.В. Рахманинове. «Сенар» // С.В. Рахманинов <https://senar.ru>
3. *Рахманинов С.В.* Литературное наследие. Воспоминания, статьи, интервью, письма: в 3 т. М., 1978-1980.
4. *Оссовский А.В.* С.В. Рахманинов. Л., 1955.
5. Письма С.В. Рахманинова к Ре. Мариэтта Шагинян. С.В. Рахманинов, приложение к письмам // Новый мир, 1943, № 4.
6. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* Мариэтта Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-на-Дону, 2014.
7. *Лайне С.В.* Мариэтта Шагинян (100 лет со дня рождения). М., 1988. Серия «Литература». № 6.
8. *Киракосова М.* «Милая Ре...» Сергей Рахманинов в общении с Мариэттой Шагинян // Литературная Армения, 2010, № 1.
9. *Шагинян М.С.* Собрание сочинений: в 9 т. М., 1971.
10. *Шагинян М.С.* Беседы об искусстве. М.-Л., 1937.
11. *Шагинян М.С.* Дневники. 1917-1931. Л., 1932.
12. *Маргарян А.* Мариэтта Шагинян. Творческий путь. Ереван, 1956.
13. *Скорино Л.* Литературные портреты. Мариэтта Шагинян. М., 1947.

14. *Удонова З.* Литературные портреты. Мариэтта Шагинян. М., 1959.
15. «Какое блаженство – творчество» (из дневниковых записей М. Шагинян) // Октябрь. 1986, № 3.
16. *Серебряков К.* О Мариэтте Шагинян // Вопросы литературы. 1988. № 2.
17. *Миндлин Э.* Мариэтта Шагинян // Литературная Армения. 1990, № 1.
18. Из переписки Мариэтты Шагинян // Культура и жизнь. 1958. № 4.
19. Воспоминания о Рахманинове. М., 1988. Т. I. Изд. 5-е, доп.
20. *Пожидаев Г.* Тайна Мариэтты Шагинян // Воин России. 2000, № 3.

Второй день
6 апреля 2019 г.
Музей русско-армянской дружбы,
г. Ростов-на-Дону, пл. Свободы, 14/2

Т.О. Осипова

ТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН

Как известно, социальное творчество – это «наиболее зрелая форма социальной активности, высшая форма социальной деятельности, созидательный процесс, направленный на преобразование сложившихся и создание качественно новых форм социальных отношений и социальной действительности, позволяющее человеку раскрыть свои способности и внутренние ресурсы» [см.: 7]. Данное определение, как нельзя лучше, отражает своеобразие гуманистической концепции М.С. Шагинян. Взгляд на человека как существо общественное, сформировавшееся под воздействием определенной социальной среды, был присущ М.С. Шагинян уже на раннем этапе ее творческой деятельности. Уже в первом романе «Своя судьба» устами своего героя, талантливого врача-психиатра Ферстера, писательница утверждает: «...в реальной жизни характер – это всегда совокупность взаимодействия со средой и с окружающими. Нет и не может быть становления, развития, проявления характера, как чего-то абсолютно изолированного, полностью самостоятельного, единичного, – он всегда результат взаимоотношения» [6, т. I, с. 382].

Проблема социального творчества особенно остро зазвучала в прозе М.С. Шагинян 1920-1930-х гг. В повести «Перемена», романах «Приключение дамы из общества», «Месс-Менд, или янки в Петрограде» писательница выдвинула основной критерий ценности человека: *ничто так не способствует его духовному росту, как деятельность, соответствующая социально-историческому развитию*. И в «Перемене», и в «Приключении

дамы из общества» М.С. Шагинян очертила круг проблем, связанных с рождением нового человека, выделив при этом главную: творческое отношение к труду, потребность «великой отдачи себя народу и человечеству».

Утверждение высокой роли человека-творца и преобразователя – одно из основных качеств гуманистической концепции М.С. Шагинян. Примечателен в связи с этим фантастический роман «Месс-Менд, или янки в Петрограде», где в романтически-приподнятой манере созданы в романе образы рабочих-революционеров. Никто не сравнится с ними по красоте, силе, уму, изобретательности: «...мы сильнее всех, богаче всех, веселее всех: дома городов, мебель домов, одежду людей, печатную книгу, утварь, оружие, инструменты, корабли, пушки, сосиски, пиво, пирожное, сапоги, железнодорожные рельсы – делаем мы и никто другой. Стоит нам опустить руки – и вещи исчезнут, станут антикварной редкостью...» [6, т. II, с. 242].

Как известно, в русской литературе конца 1920-1930-х гг. проблемы социального творчества и человека труда занимали едва ли не основное место. В лучших произведениях этого периода творческое отношение человека к труду стали не только главным мерилom его общественной ценности, но и стимулом его духовного развития. Однако подобная трактовка сложилась в литературе не сразу. Как справедливо отмечала В. Тимофеева, многие писатели в 1920-е гг. «не стремились к глубинному и детальному исследованию психологии труженика, формированию в процессе труда социальных, нравственных качеств личности [5, с. 136]. Герой зачастую выступал уже как сформировавшаяся личность. К такому типу героя относится, например, Глеб Чумалов из романа «Цемент» Ф. Гладкова.

И лишь по мере развития новой действительности все большее значение приобретало художественное раскрытие, нравственное и социальное обновление человека в процессе трудовой деятельности. Важное место эта тема заняла и в творчестве Мариэтты Сергеевны Шагинян.

В 1926 году она написала цикл «Текстильных рассказов» о предприятиях Ленинграда. Причем, отдавая дань проблемам экономическим, она не обошла стороной вопрос о духовном и

социальном росте современного рабочего, ставшего «творцом», способным «сотворить чудо».

В докладе на Первом Всесоюзном съезде писателей М. Горький говорил: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, то есть человека, организуемого процессами труда... Мы должны научиться понимать труд как творчество» [1, с. 320]. Эти слова, ставшие для советских писателей творческим ориентиром, явились и обобщением того, что уже было сделано в этой области.

В начале 1930-х гг. появился ряд произведений, посвященных преобразованиям в стране, среди них такие значительные, как «Соть» (1930) Л. Леонова, «Время, вперед!» (1932) В. Катаева, «Гидроцентральный» (1931) М. Шагинян. При всем несходстве творческих индивидуальностей этих писателей, определившем, в свою очередь, различия в подходе к предмету изображения, их роднило стремление раскрыть роль творческого труда в процессе духовного становления человека. Тема выхода из «духовного захолустья» стала одной из важнейших для советских писателей.

По сравнению с прозой М. Шагинян 1920-х гг., роман «Гидроцентральный» отличается более глубоким проникновением во внутренний мир человека, интересом к духовной стороне его бытия. Так создавался образ главного героя романа Арно Арэвьяна. В оценке этого образа советскими литературоведами существовали некоторые расхождения. Например, Аршалуйс Маргарян, автор обстоятельной монографии о творчестве М.С. Шагинян (1956), утверждала, что фигура Рыжего не содействует разворачиванию событий романа» [2, с. 83]. Напротив, в монографии (1975) Людмилы Скорино отмечается жизненность и правдивость этого образа, его органическая связь с идейно-художественным содержанием романа: «Все части романа связывает Арно Арэвьян – мечтатель и деятель одновременно» [4, с. 248]. Добавим, что с образом Арэвьяна связана проблема духовного и социально-нравственного возвышения человека. Труд для него – средство удовлетворения не только материальных, сколько творческих потребностей: «...я вправе трудиться счастливо, я смею расточать себя, сколько сил хватит» [6, т. III, с. 17].

Эти слова являются исходным моментом в развитии образа. Несколько абстрактная мечта Рыжего о счастливом творческом труде, о безграничном расточении себя становится все более реальной, осязаемой именно на строительстве Минизингэса.

Как справедливо отмечала Л. Скорино, выделяя Арно Арэвьяна как основного героя, М.С. Шагинян не делала его одиноким. Стремление к творческому труду проявляется в образах старой учительницы Ануш Малхазян, практиканта Фокина, Главного инженера строительства.

Правда, по психологической углубленности исследования характеров «Гидроцентральной» уступает некоторым произведениям этого периода, авторы которых ставили задачу проследить процесс становления нового человека, труженика и творца одновременно. В отличие, например, от Леонида Леонова («Соть») М.С. Шагинян главное внимание уделила все же не столько этическим, сколько народно-хозяйственным проблемам, в первую очередь – проблеме хозяйственного планирования. В этом «Гидроцентральной» наиболее близка роману Валентина Катаева «Время, вперед!», посвященному одному дню строительства Магнитогорского металлургического комбината, в центре сюжета которого – также проблема производственного процесса: ускорение темпов развития народного хозяйства. Однако и для Катаева, и для Шагинян собственно человеческий аспект этих проблем имел, безусловно, большой интерес.

Представляется в связи с этим необоснованным утверждение Петра Плукша о том, что в романе «Гидроцентральной» «...идея плановости социалистического строительства ...обусловила схематичность персонажей» [3, с. 215]. В качестве примера литературовед привел образ Главного инженера, по его мнению, «фигуры абстрактной». Думается, в данном случае следует говорить не столько об «абстрактности» образа, сколько об особой манере письма, заключающейся в стремлении подчинить образ основной идее. В отличие от романтического наделяния героев «одной, но пламенной страстью», при котором художник не стремится к многогранному изображению характера (вспомним героев «Перемены»), в образе Главного инженера М.С. Шагинян нашла оптимальный вариант соотношения внутренне-

личностного, психологического, и внешнего, социального. Герой сумел по-новому посмотреть на свое дело, увидев в нем «не узкий интерес своей печки», не желание «протащить во что бы то ни стало» [6, т. III, с. 221], а грандиозные задачи, стоящие перед страной.

Знаменателен следующий факт: в числе первых ударников труда, получивших в 1933 году орден Трудового Красного Знамени, была и Мариэтта Сергеевна Шагинян. А к награде ее представили строители Дзорагэс (гидроэлектростанции на реке Дзорагет), которая и являлась прообразом Мизингэс в романе. В отзыве о работе писательницы начальник строительства И.А. Тер-Аствацатурян писал: «Роман «Гидроцентральный» – громадный исторический памятник эпохи» [цит. по: 6, т. III, с. 738].

Тема социального творчества по-своему была раскрыта в произведениях М.С. Шагинян военных лет: «Оборона Москвы» (1941), «Урал в обороне» (1943), «Четыре портрета» (1944). И хотя, казалось бы, что военное время не располагало к творчеству, М.С. Шагинян в своей публицистике стремилась выявить именно социально-творческий стержень поведения человека в экстремальных условиях, названный ею «реальным, драгоценным, неоспоримым опытом» [6, IV, с. 13].

Так, например, эпицентром очерка «Оборона Москвы» стал рассказ о подвиге пяти людей, спасших от пожара музей Льва Толстого в Хамовниках, на который немецкий бомбардировщик выпустил свыше тридцати зажигательных бомб. И пять человек, «каких миллионы на нашей земле» – заведующий музеем, научный сотрудник, дворник, пожарник и уборщица – всю ночь, до рассвета, отстаивали сокровищницу культуры нашего народа, и в деревянной усадьбе великого писателя не пострадало ни одно бревнышко. М.С. Шагинян указывала, что движущим началом в действиях этих людей явилось не только «личное ощущение врага», «...усадьба-музей, вложенный в нее труд – это была родина, их кровь и плоть» [6, т. IV, с. 24]. Отсюда – удивительное единство между общественной моралью и индивидуальным сознанием, между общественной потребностью и личными устремлениями человека. Именно в понимании человеком соб-

ственного предназначения и заключен, по мнению писательницы, стимул социального творчества.

Литература

1. *Горький М.* Советская литература. Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей // М. Горький. Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. М., 1953.
2. *Маргарян А.* Мариэтта Шагинян. Творческий путь. Ереван, 1956.
3. *Плуки П.* Формирование и развитие социалистического реализма. М., 1973.
4. *Скорина Л.* Мариэтта Шагинян-художник. М., 1975.
5. *Тимофеева В.* Пути художественного исследования личности (из опыта советской литературы. Л., 1975.
6. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1971-1975.
7. <http://voluntary.ru/termin/socialnoe-tvorchestvo.html> (дата обращения – 7.02.2019).

Е.А. Паламарчук

ЗИНАИДА ГИПШИУС И ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

Многим представителям творческих профессий, оставившим заметный след в своей эпохе, на склоне лет свойственно, подводя итоги (известная книга Сомерсета Моэма так и называется), обращаться к мемуарной прозе. В этом отношении Мариэтта Сергеевна Шагинян не составляет исключения. На наш взгляд, книга воспоминаний: «Человек и время. История человеческого становления» [1] может быть отнесена к числу наиболее значительных в ее творческом наследии.

При этом, обращаясь к своей юности, пришедшейся на «реакционные», согласно советской классификации, годы, когда погружение в «духовный труд» способствовало ее творческому становлению, М.С. Шагинян, предпослав общему повествованию в качестве эпиграфов (а, возможно, и оберегов) цитаты из Карла Маркса и Александра Пушкина, предается воспоминани-

ям о людях, занимавших не последнее место в ряду противников Советской власти.

Правда, прежде чем на страницах книги появляются имена Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, других деятелей культуры, позднее составивших славу «русского зарубежья», М.С. Шагинян вспомнила своего любимого Гете, проводя параллель между периодом собственного духовного «странничества» и «годами учения и странничества» юного Вертера, а также традиционно отдает дань «свежему, спасительному воздуху Октября», ознаменовавшему для нее «бегство вперед от того, что позади», и не позволившему ей, в конце концов, переступить за известную черту [1, с. 171-172]. Пишет она и о том, что, хотя «в странническом шестилетии (1908–1914 годы. – *Е.П.*) по безбрежному океану чувств», которое она именуется «опасным странничеством, где выдумка подменяла реальную суть жизни», ее «рулем и ветрилами» были сотворяемые кумиры», она обрела в качестве положительного итога «два начальных, глубинных двигателя» души человеческой – «убеждение и веру» [1, с. 181-182].

Приступая к конкретным воспоминаниям о своем общении с людьми, «ставшими в будущем нашими врагами, злостными и активными», которым нельзя простить их «предательства», «их тупого непонимания величайшего события в истории нашей страны, значения этого события для человечества», М.С. Шагинян вдруг меняет вынужденную инвективную интонацию на спокойный тон. Замечая, что в те времена, которым посвящен ее рассказ, эти люди «еще не были предателями», она утверждает свое право и обязанность «говорить о них с тогдашней интонацией, чтоб показать отношения и вещи как они были» [1, с. 196].

Отмечая собственную озабоченность поисками «зерна истины», пришедшегося на указанные годы, и вспоминая о том, как в период их с сестрой проживания в Москве она впервые увидела забытую кем-то из гостей книгу стихотворений Зинаиды Гиппиус (о последней ей уже было известно от Владислава Ходасевича), Мариэтта Сергеевна пишет: «Я как безумная уткнулась в книгу... Я читала и читала, забыв обо всем на свете. Передо мной был ответ: соборность, связь общих по духу людей,

Бог, революция. По Гиппиус выходило, что революция 1905 года не могла победить из-за своего безбожия. А я, не отдавая себе отчета, ...тянулась к трудовому народу, к простому обездоленному человеку, к справедливой жизни для него и отдаче себя для правды, тянулась всей своей совестью, а совесть и была чувством Бога, высшего начала в человеке. И тут вдруг встретились совесть и революция, Бог и революция – в единстве сознательном и продуманном, необходимом, изложенном между строк в самой атмосфере очень новых по форме, тонких, умных, необыкновенных стихов» [1, с. 207, 211-212].

Находясь под сильным впечатлением от прочитанного, М.С. Шагинян написала Гиппиус письмо, не оставшееся без ответа. В ответном послании, положившем начало последующей оживленной переписке (свыше ста писем от Гиппиус за три года) содержится целый ряд лестных для начинающего литератора признаний мэтра: «Мне казалось, когда я читала Ваше письмо, что Вы поняли все, что я... не писала, а думала и чувствовала, когда писала... Вы подслушали мою душу...

В первую минуту по прочтении этого письма я почувствовала огромное счастье. В чем-то жизненно необходимом, очень главном, через несколько сот верст... дотронулось до меня дыхание мысли другого живого человека, и это дыхание почти совпало с моим».

В то же время сама М.С. Шагинян, вспоминая спустя годы свое изначальное восприятие этого «первого читанного и перечитанного письма Гиппиус» («все – близко, все – родное, словно эхом повторенное, сокровенное состоянье тогдашней моей двадцатилетней души»), подчеркивает, что уже для этого письма Гиппиус, как и для всех последующих, были характерны «четкость, твердость, властность, ...выработанная привычка наставлять...». Кроме того, от него веял «чуть заметный сквознячок иного, не совсем моего...». Этот сквознячок породил «крохотный, но постоянно растущий уголок сопротивления», который за последующие два с половиной года «превратился в огромный ком несогласия». Здесь фактически оправдалось своего рода «предсказание» Андрея Белого, сделанное им в напутственном письме к М.С. Шагинян, когда она колебалась, ехать ли ей по

зову Гиппиус в столицу. «...Идите к ней [к Зине. – *Е.П.*], если Вас тянет, – писал он ей 18 августа 1909 года, – но у Мережковских, думаю, Вы еще не найдете последней правды... Думаю, у Мережковских Вам место, но как этап...

Теперь (на год, на два) Вас успокоит Зина. Через два года – поговорим» [1, с. 212-213, 248].

Однако до этого было еще далеко. Пока, как признается, Шагинян, само имя «Зина» – после того, как Гиппиус позволила ей так себя называть, наполняло ее «чем-то расширяющим дыхание, углубляющим взгляд на мир». «Должно быть, – продолжает она, – Алеша Карамазов чувствовал нечто подобное к своему «старцу». Это было началом «послушничества», подчинением всего моего духовного существа особой форме обучения, особой форме самоотдачи...» [1, с. 258].

В то же время постепенно менторский тон писем З.Н. Гиппиус, ее реакция на «неправильные» поступки М.С. Шагинян, рождавшая в душе Мариэтты «ответное чувство... унижения, утрату доверия и уважения к себе, чувство какой-то своей малости», вызывает у молодого литератора все больший протест, начало которому положила констатация того факта, что «в природе Гиппиус отсутствовал юмор». «Сейчас я понимаю, – писала М.С. Шагинян на склоне лет, – что так нельзя воспитывать. Тайна хорошего воспитания, когда видишь перед собой человека моложе себя, состоит в облегчении трудности для чужой души получить правильный урок, а не в отягчении, отяжелении его для нее. И тут очень помогает немножечко юмора, как бы уступчивости с вашей стороны, принимающей шутливо чужую напряженную шутку, этим легко разжижающей ее и незаметно дающей заглотнуть вместе с нею серьезный урок» [1, с. 262].

Продолжая воспоминания о З.Н. Гиппиус, М.С. Шагинян все время вынуждена подстраховываться, проводя водораздел между Зинаидой Гиппиус в доэмигрантский и эмигрантский периоды жизни, и, в тех случаях, когда это возможно, призывая себе на помощь авторитетных союзников. «Зинаида Гиппиус, – подчеркивает она, – была одной из самых умных и талантливых женщин, каких я знала в моей долгой жизни. Но ей не хватало широты понимания исторической действительности, не хватало

простой человеческой любви к народу. И уость ее классового самоощущения (немецко-балтийское дворянство) в решительную минуту выбора привела ее к позорному концу. Современность помнит только ее конец – бегство за рубеж, подлые и пошлые выступления против социалистической родины (от себя заметим, что социалистическая Россия не воспринималась и не могла восприниматься Гиппиус в качестве родины), сварливые старческие писания, книгу такой никчемной духовной истрепанности, ...что тошно становится читать ее. Однако у Гиппиус было начало. Не надо забывать, что такой русский марксист, как Плеханов, высоко оценил один из ее рассказов и дал эту оценку печатно» [1, с. 269].

Однако постепенно в душе М.С. Шагинян нарастает протест против «чувства духовного превосходства, которое всегда было в ней (в Зинаиде Гиппиус – *Е.П.*) очень сильно и тем заметней, чем благовоспитанней она его прятала под оболочкой постоянной скромности» [1, с. 278]. Все больше изъянов обнаруживала она в личности Гиппиус и человеческих качествах ее ближайшего окружения. В частности, М.С. Шагинян обращала внимание на сопряженное с чувством зависти третирование последними таким крупных культурных явлений, какие представляли собой Максим Горький и Леонид Андреев. «В том узком кругу, далеко от большой дороги развития русской литературы, к которому принадлежали Мережковские, – вспоминает она, – Горький как писатель котировался очень низко, что-то вроде третьего сорта. Он был в глазах этого круга необразован, неотесан, выскочка, ragveni, попавший под прожектора случайно, не по заслугам – за некоторую новизну изображаемого им мира, – и так же скоро, как прославился, будет развенчан. Но при этом – а мне приходилось часто слышать такой пренебрежительный отзыв – я столкнулась у Мережковских со странным явлением: чувством плохо скрытой зависти к тем, кого они считали ниже себя. Зависть – неприкрашенная, плохо скрываемая – к славе, к высоте гонораров, к положению в народе!». Все это уживалось с чувством нескрываемого тщеславия и «даже унизительно-заискивающего оттенка по отношению к ним, когда они оказывались поблизости, у них на квартире». М.С. Шагинян привела

один из таких эпизодов. «Помню, – писала она, – как-то зимой, придя к ним, я застала в передней Зину, приложившую палец к губам: тише! Я замерла на месте. Зина держала в руках великолепную шапку из серебристого с блеском, мягкого меха, который она погладила почти благоговейно. «Знаете, чья это? – И тут же добавила почти хвастливо: – Леонида Андреева!» В гостях у них был почему-то Леонид Андреев. И вдруг тот, кто считался бездарным, невежественным недоучкой с вульгарными претензиями, принимается, когда зашел к ним, с чувством чуть ли не подбострастия! Никакого подобия этого чувства я никогда не находила ни в ком из троицы (третий – Дмитрий Владимирович Философов. – *Е.П.*) по отношению... к Блоку, которого они считали большим поэтом, или к Андрею Белому, которого любили как близкого друга. Откуда же рождался такой тон к тем, на творчество которых они обычно смотрели «сверху вниз», – к Леониду Андрееву, к Максиму Горькому? Мода? Спрос на них в народе?» [1, с. 281-282]. Сама З.Н. Гиппиус позднее вспоминала, что отказалась от сделанного ей Горьким зимой 1915–1916 года предложения издать ее стихи («...мы это замяли») [2, с. 27] и делилась впечатлением знакомых, побывавших в гостях у пролетарского писателя в 1918 году: «...его квартира – совершенный музей, так переполнена старинными вещами, скупленными у тех, кто падает от голода. Теперь ведь продают последнее, дедовское, заветное, за кусок хлеба. Горький и пользуется, вместе с матросьем и солдатами, у которых деньжищ – куры не клюют» [3, с. 472]. Однако в те годы, когда мемуары М.С. Шагинян увидели свет, критика Горького была невозможна.

Как бы то ни было, именно под воздействием этих наблюдений стал постепенно меркнуть созданный М.С. Шагинян для себя идеальный образ Гиппиус: «Зина была для меня «идеал человека», у Зины не должно было даже мелькнуть ни при каких обстоятельствах что-либо мелкое, «человеческое, слишком человеческое»... Так, по крупницам, накапливались факты, крохотные, но рябинами оспы ложившиеся на любимое лицо» [1, с. 282].

Признавая испытанное ею на этапе литературного ученичества определенное влияние «школы модернизма», М.С. Шагинян отдаст должное своей наставнице: «Сперва такой школой сделалась поэзия Гиппиус, – пишет она. – Я исключала ее из круга символистов. Она с первых стихов открылась мне как религиозно-революционное, нравственное, а вовсе не только литературное явление, и, может быть, поэтому учиться у нее было легко. Вначале учение выразилось простым подражательством: у Гиппиус была своя походка, свой почерк, свой жест в стихах; они, как силуэты, возникали перед глазами в чтении сквозь особый, изломанный ритм, преобладание любимых глаголов и эпитетов, делавшие узким и по-своему изысканным ее поэтический словарь» [1, с. 295]. Неизмеримо меньше внимания в мемуарах уделено Д.С. Мережковскому. Свое впечатление от первой встречи с ним М.С. Шагинян описала так: «...Сухонький, невысокого роста, черноглазый брюнет с бородкой клинышком. Очень нервный, всегда мысленно чем-то занятый, рассеянно-добрый, но постоянно в быту как-то капризно-недовольный, он мало с кем разговаривал, принимал на веру людей, которых ему приводили, сразу начинал самую открытую беседу, накалывался на непонимание, скрытую издевку, критику – и сжимался, как гусеница на листе, когда ее тронут. Он преувеличенно ценил свои книги. Они казались ему пророческими» [1, с. 266]. Тем не менее, и ему М.С. Шагинян отдавала должное за «единственный урок, ...стоящий урок, ...единственный профессиональный урок», – урок техники писательского ремесла, полученный ею, как она пишет, «у Мережковских», имея ввиду, в первую очередь, именно Дмитрия Сергеевича. Речь идет о литературной правке писателем своих произведений. «Писательская правка Мережковского, – отмечает М.С. Шагинян, – случайно попавшая мне в руки в 1910 году, научила меня (не сразу, а исподволь, годами) становиться в процессе творчества не только создателем, но и читателем, потребителем своих вещей» – урок, представляющий собой «одно из самых могучих средств сохранить свою прозу свежей, сделать ее «вечно-зеленой» [1, с. 297, 299].

Постепенно, согласно М.С. Шагинян, происходил рост ее «самостоятельности в отношении Мережковских». Она осознавала, что «единственным реальным делом» у последних «была организованная Зиной при существовавшем в Петербурге «Религиозно-философском обществе» «христианская секция», задуманная «как место подбора и единения душевно-духовно схожих людей, стоящих на платформе «религиозной революции». Оценивая развивавшееся на протяжении полутора лет общение с З. Гиппиус, М.С. Шагинян пришла к выводу о том, что рядом с нею все это время ей «было не очень-то хорошо и, главное, очень трудно. В каждую ложку счастья подмешивалась капля дегтя, – вспоминала она. – Меня наставляли, но как-то свысока. В сущности, что я узнала от них (Мережковских – *Е.П.*)? Ничего, кроме своих несовершенств, мешающих мне быть принятой в самое сердце их церкви – в таинство причастия – вместе с ними» [1, с. 305, 307, 313].

В дальнейшем возникающая в отношениях трещина лишь продолжала расширяться. М.С. Шагинян так вспоминала свою «первую ссору» с З. Гиппиус, вызванную различиями в оценках ими некоего французского романа: «Несмотря на всю силу моей любви к ней, я увидела Зину внезапно такой, как она есть: не мелко, не по-женски, а классово, по своему положению в обществе, самолюбивой, с внутренней сознательной фальшью, с умением щегольнуть своей образованностью, оттенить ее, унижить ею другого человека, с притворной усмешкой непонимания...» [1, с. 314]. Постепенно протест становился все сильнее: «...я выходила из дома Мурузи (там жили Мережковские – *Е.П.*) на пронзающий сыростью петербургский осенний воздух почти всегда со страстным желанием бунта. Незаметным образом к концу второго года пребывания с ними огромная, чистая, слеподоверчивая и благодатная любовь к Зине, любовь послушницы к Наставнице, стала пропитываться, как петербургской сыростью, этим беспомощным чувством протеста: «Не так! Не хочу!». Наконец, в период с конца 1910 г. до конца 1911 г., как признавалась М.С. Шагинян, произошел ее «полный отход от Мережковских». «Когда Мережковские вернулись из-за границы, стало ясно, что мы – чужие. Пережитое врозь разрезало нас, но так,

что разрез еще держал нас некоторое время вместе, как держатся в карае хлеба разрезанные, но еще плотно стоящие рядом куски. Подобно им, «стоямя и рядом», закончили мы личные события 1911 года: появление романа Гиппиус «Чертова кукла», где «безбожные революционеры» (марксисты!) выставлены марионетками...; появление моей резкой отповеди, еще наивной, но уже трезвой – в «Приазовском крае», – и полный отпад друг от друга, отпад с ненавистью, с болью почти физической...» [1, с. 340, 345].

Справедливости ради, следует обратить внимание на то, что не только М.С. Шагинян, оставшаяся на Родине и успешно влившаяся в ряды ведущих советских писателей, разочаровалась в своей наставнице, не принявшей событий 1917 года, но и многие представители эмигрантского сообщества, которых сблизала с Гиппиус ненависть к большевикам, оставили многочисленные критические замечания, касавшиеся ее неуживчивого характера. «Спору нет, – писал о ней В. Мирный, – умна и главное: злая, злая, злая», а Дон-Аминадо сообщает, что «за несносный нрав» Гиппиус именовали «Зинаидой Ге-пе-ус». Тэффи же иронизировала по поводу отсутствия у Гиппиус страха перед Страшным Судом: «Загробная жизнь ею не отрицалась, но чтобы Господь Бог взял на себя смелость судить Зинаиду Гиппиус... – это даже допустить было нельзя» [4, с. 184-185, 190]. Наконец, по авторитетному свидетельству Нины Берберовой, в дружбе Зинаида Гиппиус «признавала только «глобальное» согласие, только «тоталитарный унисон», не знала, что такое «дружеский контрапункт отношений» [4, с. 194].

Уже по одной этой причине отношения Мариэтты Шагинян и Зинаиды Гиппиус было не суждено перерасти в прочную дружбу – как личную, так и творческую.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982.
2. *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Воспоминания. Кн. 2. Тбилиси, 1991.
3. *Гиппиус З.Н.* Ничего не боюсь. М., 2004.

4. *Аксенова А.А.* Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М., 2001.

Р.Г. Тикиджьян, В.Н. Карнаухова, М.А. Спирина

М.С. ШАГИНЯН О ТЕАТРЕ И ТЕАТРАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Символично, что в Российской Федерации 2019 год объявлен «годом театра», поэтому весьма интересно исследовать проблему роли и значения театра в жизни и творчестве М.С. Шагинян.

Жизнь М.С. Шагинян с детства была наполнена различного рода драматичными испытаниями судьбы, но писательница была сильной личностью и, несмотря на все преграды, прожила долгую и счастливую жизнь. Она находила плюсы во всех невзгодах, включая свою рано появившуюся глухоту и частичную потерю зрения с ранних лет жизни. Потеря отца с четырнадцатилетнего возраста, также сказалась на жизни столь сильной женщины и талантливого художника.

Мариэтта Сергеевна получила блестящее образование. В 1902 году поступила в Нахичеванскую-на-Дону казенную гимназию. Потом продолжила образование в Москве в гимназии Л.Ф. Ржевской, которую окончила с серебряной медалью в 1906 году. В своих воспоминаниях она писала, что обязана гимназии Ржевской очень многим [1, с. 9-10].

Интересно, что через всю свою жизнь писателя и журналиста М.С. Шагинян, будучи российским интеллигентом, с юных лет пронесла интерес и любовь к театру, в ее творчестве достаточно значимое место занимал опыт написания пьес. В статье «Большой театр моего детства» (Странички воспоминаний), которая написана к 200-летию Большого театра в Москве, Мариэтта Сергеевна вспоминала, что во время учебы в пансионе частной гимназии Л.Ф. Ржевской закрытые учебные заведения получали в дни «царских праздников» бесплатную ложу в императорские театры. Ходили воспитанницы в театр по очереди, в праздничных белых фарточках. Большой театр был для них чудным

праздником, переносом в мир высокого, истоком музыки, наслаждением для глаз и ушей [6, т. 7, с. 500].

Вот как она вспоминала о двух впечатлениях, вынесенных из волшебного зала Большого театра. Однажды известный бас Большого театра, армянин Амирджан, повез ее с сестрой в театр на «Искателей жемчуга». Второе огромное впечатление произвел спектакль «Демон» Рубинштейна с Ф. Шаляпиным в главной роли. Глухота ее тогда только начиналась, зрение было, как записывали врачи, «абсолютное», втиснули в угол первого ряда. По воспоминаниям Мариэтты Сергеевны, «все, до мельчайшего изменения в лице, до последнего угасания звука этого голоса... дошло до меня, вошло в меня, пережилось мною до физической дрожи, до трепета рук на бархате... шевеленья волос на голове» [6, с. 502]. Дома схватилась за стихи М.Ю. Лермонтова. Ей показалось, что у него «...был не такой Демон». Впоследствии она сделала вывод, что только дивный голос Ф. Шаляпина смог передать в арии мотив одиночества, отчаяние, муку, безнадежность своей любви. Мариэтта Сергеевна признавалась, что понимание всего этого пришло ей не сразу. В те минуты на спектакле в «Большом театре она испытала свое первое приобщение к гениальному искусству. И оно стало мерой ее восприятия на всю последующую жизнь». Завершая свой очерк, она желала Большому театру, в день его рождения, всегда помнить, что он может быть воистину «Большим» и стараться быть этим «Большим» в жизни общества [6, т. 7, с. 503].

В 1908 г. М.С. Шагинян поступила на философский факультет Высших женских курсов в Москве. В студенческие годы она познакомилась с А. Белым, С. Рахманиновым, увлеклась поэзией З. Гиппиус, А. Блока. Мариэтта Сергеевна вела с ними долготлетнюю философско-литературную переписку, пытаясь выработать свое мировоззрение, критерии оценки жизни и творчества. Однако даже в ранних стихах М.С. Шагинян сквозь мистику и условность, символику и потусторонность ощущалось реальное стремление автора понять мир и свое предназначение. Этот активный поиск послужил толчком к отходу от символистов, к разрыву с Д. Мережковским и З. Гиппиус, в учении которых, по словам М.С. Шагинян, «нет жизни, нет воздуха» [6, т. 7, с. 503].

Статьи 1911-1913 гг. способствовали выработке у Мариэтты Сергеевны своих идейно-эстетических требований к современной литературе, которые определили и ее дальнейшее направление развития как художника. Не забывает в это время М.С. Шагинян и о театре. В газете «Приазовский край» (Ростов-на-Дону) она опубликовала статьи «Обновленный «Гамлет» (1912), «Два театра. I. Хеллерау» (1913), «Два театра. II. Байреит» (1914).

Вот, например, ее оценка, точная и конкретная, по поводу символической и новой трактовки «Гамлета» Д. Крэга в Художественном театре. «До сих пор было у нас убеждение, что в личности Гамлета есть героизм... Качалов первый сыграл Гамлета без всякого героизма и подъема, с вдумчивостью, с резонерством... Если отнимут у нас Гамлета, Ромео, Альцеста, – писала она, – то мы обеднеем чувствительным образом [8, с. 112-113]. А в статье «Два театра. II. Байреит» (1914) Мариэтта Сергеевна сделала вывод, что «театр только тогда будет истинным искусством, когда он явится выражением духовной потребности народа (или группы лиц, думающих о соборном и народном); покуда же он служит предметом развлечений публики, – он обречен на позор торгашества и неизбежное падение артистизма» [8, с. 134-135].

Осенью 1913 года Мариэтта Сергеевна участвовала в идейно-политической дискуссии в русском и театральном сообществе вокруг постановки «Бесов» Ф.М. Достоевского в Московском Художественном театре. Об инсценировке «Бесов» узнал М. Горький, который находился на тот момент в Италии. Сюда приехали актеры Художественного театра Андреева и Румянцев для переговоров о пьесе М. Горького, а после прибыл и Леонидов. В разговоре с Леонидовым М. Горький сказал жестко и прямо об отрицательном отношении к инсценировке «Бесов», считая это «делом общественно-вредным», и попросил передать свои слова Немировичу-Данченко. Театр все равно попытался «обезвредить» роман, но ничего хорошего из этого не вышло. Освободить постановку от реакционных идей романа не удалось. Не помогло участие выдающихся актеров, «чистка» текста от «ретроградного духа».

В первые дни разгоревшейся дискуссии М.С. Шагинян напечатала статью «Достоевский и Россия», где встала на сторону позиции М. Горького, выразив мнение трудовой интеллигенции, которая была против реакции. Статью напечатала газета «Приазовский край», но с оговоркой от редакции, поспешив отделить себя от авторской позиции [9, с. 25].

Мариэтта Сергеевна начала статью словами об общественном значении «инцидента с новой постановкой Художественного театра», считая, что этот инцидент подводит к сложнейшей проблеме русской культуры и к современной действительности, помогая понять их. В полемике с писателями, которые осуждали «протест Горького», М.С. Шагинян восстала против «страдальческого символизма» Ф.М. Достоевского. В завершении статьи Мариэтта Сергеевна выступила против апологии страдания и решительно заявила: «...мы всецело присоединяемся к горячему, вызванному верным инстинктом самосохранения письму Максима Горького».

Спустя три года после революции Мариэтта Сергеевна переехала в Петроград. В это время все писатели Петрограда объединились вокруг А.М. Горького, который основал издательство «Всемирная литература». В литературной среде того времени происходило резкое разделение. Часть писателей перешла в лагерь революции, другая часть, по воспоминаниям М.С. Шагинян, «саботировала советское строительство», считая «политически зазорным печататься в советских газетах».

Первые петроградские печатные работы М.С. Шагинян появились с публикации 20 декабря 1920 года статьи «Кое-что о русской интеллигенции». В ней она выступила резко против саботажа, говорила о «позоре психологической «отсидки», «о необходимости разбить стеклянный колпак и выйти на воздух, которым дышит страна...»

Потом появилась статья «Театр в Москве» в защиту нового, революционного театра. Эти статьи – утверждение идейной и общественной позиции М.С. Шагинян. Первая из них представляла собой политический фельетон, в котором осмеивалась «саботирующая интеллигенция». Статья «Театр в Москве» ставила задачу обозреть новые постановки московских театров, но в

действительности была обобщенно-полемичной, как и «Кое-что о русской интеллигенции» [5, т. 1, с. 35].

М.С. Шагинян рассказала о возобновлении и оживлении теоретических споров в театрах, о решимости их «практических опытов», и на основе этих новых явлений определила свои требования к творческой интеллигенции. В статье о театре М.С. Шагинян создала образ подлинного носителя заветов культуры, того, кто продолжает созидать, кто творчески трудится для народа и вместе с ним. Основная мысль статьи заключалась в том, что революция открывает широкий простор для новаторства. «Ведь только революция распахнула двери театров и музеев для людей из народа, связала деятелей культуры с массами».

Два образа выступили в статье, олицетворяя своей театральной деятельностью два типа творческой интеллигенции – Таиров и Мейерхольд. По мнению М.С. Шагинян, Таиров принадлежал к тем, кто еще не имеет программы, «не выставил никаких литературных лозунгов»; она отнесла его к «режиссерам-практикам». Мейерхольд – иной творческий тип, который знает цель и ясно определяет свою идейную позицию. Он обращается к народу, говорит с ним о самом главном – о революции и борьбе.

М.С. Шагинян снова вмешивается в театральную дискуссию. На этот раз эта дискуссия о постановке пьесы «Зори» Верхарна. И здесь она беспрекословно защищала Мейерхольда от нападок. Ее увлекла жизненность спектакля, связь с жизнью страны: «...актеры вышивали по авторской канве самые современные рисунки; гонец говорил о злободневных политических победах, читались настоящие декреты нашего правительства, пели «Интернационал», подхватываемый залом, и актеры сновали между зрителями, возникая из массы и растворяясь в массе». В завершении статьи М.С. Шагинян писала о «Зорях»: «Я считаю эту попытку... крайне значительной, а главное – очень плодотворной для будущего...» [7, с. 32]. Искания Мейерхольда для М.С. Шагинян были воплощением истинного и подлинного творческого духа. Она создала образ созидающей интеллигенции, которой с Октябрьской революцией открылись невиданные просторы для деятельности.

Увлечение театром и эстетикой театрального искусства привело и к попыткам написания М.С. Шагинян собственных первых пьес для театра. Здесь для нее одним из важных источников компетентности и авторитетов стал А. Блок. И.С. Зильберштейн, известный исследователь биографии и творчества А. Блока, поиска и изучения его переписки, оставил нам уникальные свидетельства общения и оценки перспектив творчества М.С. Шагинян в сфере театральной деятельности в этот период ее творческих исканий. Читая воспоминания Мариэтты Сергеевны, он заинтересовался одним из ее любопытных сообщений: видимо, в апреле 1921 г. она отправила А. Блоку несколько своих небольших пьес с просьбой прочитать и высказать свое мнение о них, а 22 мая А. Блок послал М.С. Шагинян подробное письмо с оценкой ее пьес. Далее Мариэтта Сергеевна говорила: «На письмо я ответила, лично снесла его Любови Дмитриевне, но не получила уже ответа ни письменного, ни устного, а С. Алянский сообщил мне, что письмо, по всей вероятности, и вовсе не было передано Блоку!» С.М. Алянский, издатель и близкий друг А. Блока, в своей известной книге о встречах с поэтом рассказал, с каким вниманием и одобрением относился А. Блок к творчеству М.С. Шагинян: «Однажды Блок спросил: «Знаете ли вы писательницу и переводчицу Мариэтту Шагинян? Она прекрасно перевела тетралогия Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов». А недавно она прислала мне сборник своих пьес. Я читаю их сейчас, она очень талантлива. А спустя несколько дней Александр Александрович опять заговорил о Мариэтте Шагинян: «Я прочитал пьесы Шагинян. Не знаю, сможет ли использовать их театр, но некоторые из них, по-моему, хорошо бы напечатать в «Записках мечтателей». Я очень рекомендую напечатать в ближайшем номере лучшую из этих пьес. «Чудо на колокольне» – это очень талантливо, – повторил он. – Я написал свой отзыв. Будьте добры, передайте ей рукопись, она пойдет к вам в книжный пункт». А еще через несколько дней Александр Александрович спрашивал меня через Любовь Дмитриевну, успел ли я сдать в набор пьесу «Чудо на колокольне» в очередной номер «Записок мечтателей».

Пьеса Мариэтты Шагинян «Чудо на колокольне» была напечатана в № 5 «Записок мечтателей», вышедшем уже после смерти А. Блока, в 1922 году» [2, с. 317-318].

Прочитав строки М.С. Шагинян о недошедшем, по ее мнению, письме к А.А. Блоку, И.С. Зильберштейн позднее вспомнил ситуацию 1939 года. Именно тогда, выполняя просьбу директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича, он добился от Л.Д. Блок согласия на передачу в этот музей эпистолярного архива поэта, где в основном находилась и личная переписка. Сравнив аннотации двух писем, присланных А.А. Блоку Мариэттой Шагинян, причем второе письмо оказалось тем самым, которое М.С. Шагинян считала до А.А. Блока недошедшим. Сделав копию этого обширного и интереснейшего ее обращения к поэту, он решил сообщить Мариэтте Сергеевне, что в бумагах А.А. Блока сохранилось то ее письмо, которое она считала утраченным. Через К.Б. Серебрякова сообщил о находке. 27 февраля 1979 г. состоялась первая встреча. По просьбе Мариэтты Сергеевны прочитал очень медленно то ее письмо, которое она отправила А.А. Блоку 58 лет назад. Чувствовалось, что это доставило ей большую радость.

Вскоре вышла в свет отдельным изданием книга ее воспоминаний «Человек и время», где Мариэтта Сергеевна, приводя текст последнего письма к ней А.А. Блока, сделала такое примечание: «На это письмо А. Блока я ответила длинным посланием, которое считала пропавшим. Но совсем недавно, весной 1979 года, когда я лежала в больнице, ко мне пришел известный литературовед И.С. Зильберштейн и сказал, что это письмо он нашел в архиве Менделеевых. Этот документ будет опубликован в «Литературном наследстве» А. Блока, готовящемся к печати».

Вот текст этого письма:

24-V-1921

«Многоуважаемый Александр Александрович, сегодня мне принесли Ваше письмо, и я не знаю, как и благодарить Вас за все, что Вы в нем написали, а главное за то, что так скоро прочитали пьесы. Только в одном Вы, пожалуй, ошиблись (лестным для меня образом!): «Не особенно органический язык», «недо-

статочная пристальность взгляда» – у меня вовсе не почетный порок символистов, преодоленный сильнейшими из них в настоящий классицизм. Это у меня не «печать школы» и не временное несовершенство, а самое тяжкое личное бремя, которое преодолеть мне не суждено; я могу лишь постепенно создать себе условный стиль из стремления его преодолеть; стиль этот всегда будет полуживым и только карабкающимся к последней правде, но ее никогда не дохватывающим. Дело в том, что у меня матовое восприятие мира (плохо слышу и вижу), и нет своего языка. Органичен язык лишь тогда и там, где он речь. Но я не знаю речи; остатки своего слуха я невольно приспосабливаю к бескрасочному услышанию, то есть, напрягаюсь услышать, *что* мне сказали, а не *как*; на музыку, на связь, на очарование речи уже ничего не остается, ибо внимание приковано неизбежно к понятиям.

И вот, постоянно силясь понимать, я неизбежно разучаюсь слушать. Где уж тут питаться живой органикой речи! Остается книга, и свой собственный «потенциал». Но через книгу и от книги (даже самой стихийно-народной) родится только «книжность и производность».

Ваше письмо так человечно просто и так прямо, что не могу не ответить на него с такой же прямоотой и не условно поверхностно, а по существу» [3].

В 1920-30 гг. М.С. Шагинян по-прежнему интересовалась советским театром и театральной драматургией. В 1935 году она написала очерк «Смоленский театр», где рассуждала над вопросом: чем заинтересовывают местные приезжие театры московского зрителя? Анализируя игру актеров в спектаклях «Аристократы», «После бала» и «Мария Стюарт», сделала вывод, что решающую власть над игрой актера имеют чувства, поступки и страсти живой массы его современников, которых он видит перед собой и в зале, и в тексте пьесы [7, с. 552]. Если «буржуазный зритель все больше требует аттракционов, то советский зритель требует чувства и пьесы». Он хочет видеть и переживать со сцены себя и свое время, и об этом говорят удачи и неудачи «глубинных театров» [7, с. 553].

В очерке «Король Лир» в Белорусском театре» М.С. Шагинян шаг за шагом проследила тонкую и умную игру всего актерского коллектива. Кто такой король Лир? Что движет его поступками? Размышляя над этими вопросами, доводит до читателя мысль, что, несмотря на слабые стороны спектакля, это большой, волнующий настоящий спектакль, сумевший донести до благодарных зрителей настоящего Шекспира, во всей его бессмертной глубине [7, с. 559]. Поэтому москвичи встретили этот спектакль с горячей признательностью.

Тогда большую известность М.С. Шагинян принес авантюрно-приключенческий роман «Месс-менд», по которому был снят художественный фильм. На его основе была написана и пьеса «Джек и Доллар» для юношества, именно с этой пьесы начал свой творческий путь «Кукольный театр Сергея Образцова». С. Образцов высоко ценил эту пьесу, его театр отыграл ее 510 раз.

Мариэтта Сергеевна Шагинян была талантливейшей писательницей и журналисткой, поражавшей своей неиссякаемой энергией и работоспособностью. За свою жизнь она написала множество книг, очерков и статей, а так же и пьес для театра. Деятельность М.С. Шагинян – очеркиста и публициста, искусствоведа и любителя театра, – ждет еще своих исследователей. Этот огромный материал важен не только для полного понимания многогранного творческого пути М.С. Шагинян, ее творческого мастерства, но и для изучения истории и теории современного российского театрального искусства.

Литература

1. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* Мариэтта Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Серия. «Жизнь замечательных нахичеванцев». Ростов-на-Дону, 2013.

2. *Алянский С.* Встречи с Александром Блоком // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М., 1980.

3. *Зильберштейн И.С.* «А.Блок и Мариэтта Шагинян» Текст - file:///C:/Users/%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD/Desktop/%D0%A1.%20752-758.

4. *Скорина Л.* М.С. Шагинян – художник. М., 1981.

5. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. М., 1986.
6. Шагинян М.С. Воскрешение из мертвых. Повесть об одном исследовании. Статьи. Воспоминания // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 7 / Комментарии Л. Скорино. М., 1988.
7. Шагинян М.С. Зарубежные письма. М., 1971.
8. Шагинян М.С. Обновленный Гамлет. «Приазовский край», 15 января 1912 г. // М.С. Шагинян Статьи. Письма. Ростов-на-Дону, 2017.
9. «Приазовский край», 1913, 13 октября.
10. http://www.hrono.ru/biograf/bio_sh/shaginjan.php

Л.П. Карельская

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по страницам газеты «Приазовский край»)

XX век ознаменовался не просто качественными, но радикальными изменениями буквально во всех сферах жизни российского общества. Традиционно в фокусе интересов исследователей находилась экономическая, социальная, политическая и духовная сферы социума, но изменения повседневной жизни обывателей провинциальных городов, внутренний мир мужчин и женщин, их самопрезентация, как реакция на изменения окружающей среды практически не рассматривались.

Вместе с тем, понимание коренных причин трансформации социального статуса и образа жизни женщины в XXI веке лежит в исследовании проблемы раскрепощения сознания, стиля жизни и поведения обывательниц на переломе XIX – начала XX вв.

Газета «Приазовский край» является уникальным источником изучения данной проблемы. В ней регулярно и подробно освещалась повседневная жизнь города, формировалось позитивное отношение к новым видам социальной жизни. Материалы газеты: статьи, объявления, реклама дают широкое представление о повседневной жизни ростовчанок.

Начиная со второй половины XIX в., российские женщины стремятся добиться свободы от старого патриархального уклада, активно включиться в общественную, экономическую и куль-

турную жизнь города. Прежде всего, женщины стремятся получить доступ к профессиональному образованию и к работе.

Высших и средних профессиональных женских учебных заведений в России было немного, и располагались они главным образом в столичных городах – Москве и Петербурге. Однако бурное развитие экономики и торговли требовало значительно большего количества специалистов в этих сферах, что привело к привлечению женщин на производство. Начиная с 1904 года, газета «Приазовский край» активно размещает объявления об открытии частных гимназий, различных курсов по получению женщинами не только утвердившихся в общественном сознании профессий (бонны, учительницы, домоправительницы, портнихи), но и новым профессиям, в том числе требующим знания работы со сложными приборами. Женщин призывают поступать на одногодичные почтово-телеграфные курсы на базе семилетнего образования и знанием одного-двух новых языков, готовыми работать с новыми приборами и аппаратами; на двухмесячные курсы по ведению приусадебного хозяйства. Особо следует отметить, что создаются не только специальные курсы и школы для женщин, но особо оговариваются в объявлениях курсы для лиц обоего пола, таковыми были училище Н.Ф. Пирожковой, занимавшаяся подготовкой в средние учебные заведения; курсы счетоводства Шкидко, руководство которых обещает вполне обеспеченное существование для окончивших полный курс, владение пишущей машинкой, каллиграфией и иностранными языками. В 1910 году была открыта акушерско-фельдшерская школа при ростовской городской николаевской больнице, при этом курсистки должны были иметь образовательный ценз на уровне мужчин, а именно, - звание городской учительницы или четыре класса гимназии.

Особое значение в жизни женщин сыграло открытие высшего образования на Дону. В 1910 году были открыты высшие женские естественно-научные курсы в Новочеркасске. Курсы существовали на благотворительные средства и были платными. Выпускницы получали право преподавать в женских средних учебных заведениях и в младших классах мужских гимназий.

В годы Первой мировой войны в 1915 году в Ростов был эвакуирован Варшавский университет. В газете буквально в каждом номере появлялись сообщения о жизни университета, объявления о лекциях для горожан, о наборе абитуриентов. Так, в октябре 1915 года появилось объявление об открытии высших женских курсов с факультетами: физико-математический, юридический и историко-филологический. При поступлении от абитуриенток требовалось базовое образование на уровне мужских гимназий, срок обучения составлял 4 года. В ноябре 1916 г. в Ростове был открыт городской женский медицинский институт. По завершении образования выпускницы получали права наравне с лицами, окончившими российские университеты.

Расширение доступа к образованию позволило ростовчанкам активнее предлагать свои услуги на рынке труда. Страницы газеты пестрят объявлениями женщин о желании поступить в магазин продавщицей, стать бонной при детях, готовить школьников к поступлению в средние учебные заведения, давать уроки музыки и иностранных языков, предлагаются услуги портнихи, массажистки и косметолога.

Особое внимание следует обратить на объявления женщин, работающих в сфере здравоохранения. В Ростове женщин-врачей было немного; это объяснялось тем, что для получения медицинского образования надо было ехать в столичные города и оплачивать обучение, кроме того, открытию частной практики мешали прочные стереотипы общественного сознания о непригодности женщин к такому виду деятельности. Женщины предлагали услуги главным образом в сферах стоматологии, акушерства и гинекологии, желудочные заболевания и изредка лечение глазных болезней.

Приведем примеры: «Врач И.М. Жуковская: желудочно-кишечные и женские болезни, гинекология, массаж». «Акушерка П.С. Бондарева предлагает свои услуги и принимает на дому» [1].

О высоком профессиональном уровне женщин врачей дает представление материал, помещенный в газете «Приазовский край». Здесь приводится доклад доктора А.Г. Ашкенази-Сватиковой о результатах осмотра глаз у 2526 учащихся в 37

городских школах г. Ростова. Автор приводит наиболее распространенные виды глазных заболеваний, их причины, сравнивает число заболевших в Ростове с другими российскими городами и дает развернутую программу по контролю за состоянием здоровья и лечения глаз. Собрание врачей, заслушав доклад, не только согласилось с выдвинутыми предложениями, но постановило обратиться в городское управление с ходатайством для претворения в жизнь предложенных мероприятий [2].

Врачи-ростовчанки не только лечили население в рамках частной практики, но и в городских больницах, родильных приютах и т.д. Так, обществом фельдшеров, фельдшерниц и акушеров были открыты постоянные дежурства на базе еврейской больницы в 1914 г., а в 1917 г. было создано общество скорой медицинской помощи.

Несмотря на расширение доступа к образованию и профессиональной деятельности, женщинам приходилось преодолевать множество трудностей. Журналисты «Приазовского края» посвятили ряд острых статей проблемам эмансипации, материнства и образования, женской чести и абортам. Поражает глубокое знание авторами новой реальности, в которой оказались россиянки, владение информацией о положении женщин за рубежом. Содержание статей носит скорее научно-популярный характер, где со знанием дела ведется анализ положения женщин в обществе с использованием методов социологического исследования (анкеты, опросы), демографических данных, последних открытий в сфере психоанализа.

Почему общество снисходительно относилось к профессиональным способностям женщины, почему изначально в его глазах женщина бесчестна и лжива, почему социум присвоил право вмешиваться и распоряжаться ее телесностью (делать аборт)?

В статье «Вечный спор» (к сожалению, фамилия автора не указана) делается попытка дать ответ на эти вопросы. Здесь отмечается, что «в литературе, пословицах и поговорках ... везде женщина вероломна, коварна, продажна, порождение сатаны и дьявола... Эта мысль вошла в религию, законодательство, которое ограничивало права женщины, что привело к потере есте-

ственных прав... Женщины уподоблены несовершеннолетним детям, а потому лишены гражданских и политических прав» [3].

Газета занимала положительную позицию по отношению к борьбе женщин за свои права. Эта линия прослеживается в статьях М.С. Шагинян, Шиллера, Н. Лаврского, Г. Шпарлинского и др. По сути дела, журналисты призывали создавать нормальные социальные условия, чтобы женщины могли, не отказываясь от роли матери и хранительницы очага, заниматься наукой и профессиональным трудом. Все эти вопросы не потеряли своей актуальности и сегодня.

Литература

1. Приазовский край. 1912. 24 сентября
2. В обществе врачей // Приазовский край. 1914. 7 мая.
3. Вечный спор // Приазовский край. 1910. 18 июля.

А.В. Дмитрова, Т.О. Осипова

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В КНИГЕ НИНЫ БЕРБЕРОВОЙ «ЧАЙКОВСКИЙ. ИСТОРИЯ ОДИНОКОЙ ЖИЗНИ»

Литературное наследие русской эмиграции и его отдельные представители удостоены сегодня самого пристального внимания и исследователей, и читателей. «Мы не в изгнании, мы – в послании», – именно так обозначила миссию первой русской литературной эмиграции Нина Берберова, поэт, прозаик, критик, чье литературное творчество поражает удивительным жанровым разнообразием. Важное место в нем занимают художественные биографии, в частности, «Чайковский. История одинокой жизни».

Заметим, что интерес к биографическим жанрам для русских эмигрантов был вполне закономерен: с одной стороны, отрыв от родины обострил интерес не только к ее настоящему, но и прошлому, с другой – он диктовался горячим желанием приобщить европейскую публику к сокровищнице русской национальной истории и культуры. Появляются «Декабристы» М. Цетлина,

«Державин» В. Ходасевича, беллетризованное житие «Преподобный Сергей Радонежский» и своеобразная биографическая «трилогия» «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов» Б. Зайцева. При этом именно художественная (беллетризованная) биография оказалась наиболее привлекательной для автора, поскольку давала возможность соединить научность, документальность и художественность, реализовать свой художественный замысел, сохранив при этом предельную достоверность. Как писала сама Н. Берберова, два больших европейских писателя – Литтон Стречи и Анре Моруа – в 1920-1930-е гг. создали законы биографических жанров. И первый закон, которому следует писательница, – «никакого домысла, только свидетельства».

Не менее важным является заметно усиливающийся в это время в литературе интерес к проблемам, связанным с сущностью человека, его судьбой. Не последнюю роль здесь сыграло развитие психоанализа. В. Соловьев в связи с этим отмечал «влияние Фрейда на многих художников – в широком диапазоне от Хичкока, Бонюэля, Дали до О’Нила, Лоуренса, Фолкнера и Роллана, не говоря уже о немецких авторах: Цвейге, Гауптмане, Кафке, Музиле и обоих Маннах» [5, с. 197]. А сама Н. Берберова признавалась, что интерес к творческой личности проснулся в ней «отчасти – благодаря Фрейду» [2, с. 10].

Говоря о художественной биографии нельзя не коснуться вопроса ее жанровой природы. Так, В. Руднев, С. Панин считают ее лишь поджанровой формой. Противоположной точки зрения придерживаются А. Галич, И. Минаева, Я. Кумок, видя в ней самостоятельный литературный жанр, что, на наш взгляд, является более убедительным.

Смыслообразующим центром произведений данного жанра является реально существовавшая историческая личность и все последующее повествование сконцентрировано на ней. Так, в центре внимания произведения Н. Берберовой оказывается великий русский композитор. Творческая личность представлена автором, с одной стороны, соответственно житийным традициям, выработанным за период существования жанра, философским идеям и взглядам, современным автору, с другой – представлению о творческой личности самого биографа с опорой на документальные источники.

Средства создания образа Чайковского разнообразны. Одним из них является пространственно-временная форма героя. Как отмечал М.М. Бахтин, «существенная особенность биографического романа – появление в нем биографического времени. ...Биографическое время вполне реально, все моменты его отнесены к целому жизненного процесса, характеризуют его как ограниченный, неповторимый и необратимый» [1, с. 196]. В зависимости от значимости описываемых событий биографическое время замедляется или ускоряется. Например, период детства описывается весьма подробно, ибо он важен при выяснении вопроса о становлении героя.

Широко используется Н. Берберовой приемы проспекции и ретроспекции. Говоря о том или ином событии, биограф иногда забегают вперед, нарушая хронологию происходящего. Точно также она погружает в прошлое, чтобы объяснить причинно-следственные связи. Повествование в настоящем времени же делает читателя соучастником событий.

Жизнь человека всегда связана с определенным местом жительства. При этом перед биографом не стоит вопрос о выборе пространства, в которое вписан герой, ибо оно определено обстоятельствами его жизни. Каждое место, связанное с жизнью Чайковского, получает определенную характеристику: «Каменка! Пушкинское место» [2, с. 105], «Петербург был все тем же суровым и брезгливым к нему городом» [2, с. 63]. Н. Берберова четко подметила особенность существования Чайковского: «...Дома у него не было. Он всегда не был у себя и всегда чувствовал себя гостем» [2, с. 58]. Это усиливает проходящий через всю книгу мотив одиночества героя.

Не менее важным становится и мотив странничества, ведь всю свою жизнь Чайковский провел в скитаниях: «Он бросился в Италию. Ни Венеция, ни Рим его не устраивали» [2, с. 85], «в Париже мечтал о Каменке, в Москве – о Плещееве, из Италии его гнало в Берлин, из Петербурга – в Киев» [2, с. 158]. При этом пространство расширяется постепенно: маленький Пьер замкнут в пространстве дома, взрослый – в пространстве разных городов. Метания пространственные соотнесены с метаниями душевными, нигде герой не может найти приют. Но в конце повествования

умирающий герой вновь оказывается замкнут в пространстве дома. Кольцо повествования замыкается.

Большое место в книге занимает и историко-культурный контекст. Как отмечала в своей статье «Литературные биографии Нины Берберовой: личность в свете психологии творчества» польский славист Anna Woźniak, «новым элементом жанровой специфики биографии у Берберовой (по крайней мере усугубленным) является такой императив как помещение героя-личности с деталями его жизни, то есть текста «малой истории», как она это называет, в рамки великой сложной истории, в «цепи событий» эпохи» [3, с. 710]. Ведь жизнь гениального композитора пришлась на расцвет русской культуры: «В Европе гремел Лист и Берлиоз, Вагнер в конце сезона появился в Петербурге» [2, с. 44].

Н. Берберова в своих характеристиках опиралась на воспоминания и самого Чайковского, и его современников, и свои представления о том или ином персонаже. Так мы видим Бородина и Мусоргского его глазами: «Талантливый дилетант, Бородин ...опять-таки талант, и даже сильный талант, Мусоргский – ...это натура узкая, лишенная потребности самоусовершенствования» [2, с. 115-116]. А создавая образ Н.Ф. фон Мекк, привела следующую характеристику: «Рубинштейн между прочим сказал Чайковскому, что она некрасива, стара, оригиналка ужасная» [2, с. 90]. При этом добавляет и свое представление об этой незаурядной женщине: «Она была худа, высока, очень умна и нервна» [2, с. 93].

В книге перед нами предстает бурное время конца XIX века. На фоне всех исторических и культурных событий и разворачивается жизнь главного героя. При этом некоторые исторические события приобретают характер мотива. К примеру, Н. Берберова неоднократно упоминала об эпидемии холеры: «Москва встретила их холерой» [2, с. 28]; «Холера встретила Чайковских при их первом приезде из Воткинска. Холерой заболела Александра Андреевна летом 1854 года, и холерой же заболел Илья Петрович в день похорон жены» [2, с. 36]. Постоянное упоминание страшной болезни далеко неслучайно. Ведь, в конце концов, она стала причиной смерти самого Чайковского.

Создавая образ великого композитора, Н. Берберова обращалась к его творчеству как определяющему моменту в его жизни. С

детства музыка действовала на Чайковского магически, буквально вводила в транс: «В первый раз услышанный симфонический оркестр потряс его до основания, на несколько дней он лишился памяти» [2, с. 29].

Путь композитора был трудным, были моменты взрывом и моменты творческого бессилия: «Все, что когда-то проснулось в нем при звуках моцартовской арии, сейчас спало летаргическим сном, и он не мог, да и не хотел этого будить» [2, с. 40].

Конечно же, перед Н. Берберовой стояла задача, отличная от тех, с которыми сталкивались авторы писательских биографий, где приходилось иметь дело с литературным наследием. Если при описании жизни Тургенева, Жуковского, Чехова Б. Зайцев делал упор на анализ литературного произведения, то с музыкой – не так просто. Поэтому и подход к рассмотрению творчества у нее иной. Автор книги стремится найти ответы на ряд вопросов. Как рождается произведение? Что движет творцом в момент творчества. Поэтому особое внимание Н. Берберова уделяла описанию процессов создания композитором его шедевров, делая основной упор на внутреннем состоянии своего героя. При этом она особо подчеркивала, что чувства, выраженные в музыкальном сочинении, не всегда тождественны переживаниям самого композитора. На подобные размышления ее подталкивало признание самого Чайковского, который в письме Н.Ф. фон Мекк от 24 июня 1878 года заметил: «Не имея особенных причин радоваться, я могу проникнуться веселым творческим настроением и, наоборот, среди счастливой обстановки произвести вещь, проникнутую самыми мрачными и безнадежными ощущениями» [см.: 7]. Поэтому сделать вывод о душевном состоянии героя, опираясь лишь на его творение, для Н. Берберовой не представлялось возможным.

Если в биографии о писателях анализ творчества влечет за собой осмысление духовных исканий, то в биографии о композиторе – осмысление духовных исканий обуславливает мотивации того или иного творения. Не желая оставаться голословной и не ограничиваясь лишь своими суждениями, биограф прибегала к воспоминаниям и оценкам современников композитора. «Цезарь Кюи объявил печатно, что «Чайковский совсем слаб» [2, с. 571], или же мнение Балакирева о мажорной тональности одного из произведе-

ний Чайковского: «Первый Des-dur очень красив, хотя гниловат, а второй Des-dur просто прелесть» [2, с. 76]. Осмысление истоков творчества Чайковского проходит красной линией через все повествование, позволяя представить героя в единстве его внутренней и внешней жизни, что, безусловно, усиливает психологизм произведения.

Как известно, пик популярности психоанализа пришелся на 1930-е гг., во многом обуславливая не только развития психологических дисциплин, но и литературы. Ведь предметом рассмотрения и литературы, и психологии является внутренний мир человека. Д. Попов в статье «Влияние психоаналитических представлений о человеке на развитие искусства XX века» заметил: «Наиболее активно возможностями, открытыми психоанализом, воспользовалась литература начала – середины XX века. Особая восприимчивость литературы к психоанализу объясняется ее спецификой как вида искусства» [4, с. 39].

Каковы же приемы, используемые Н. Берберовой при раскрытии внутреннего мира своего героя? Отметим, что повествование в данном случае ведется как от первого, так и от третьего лица. Так складывается объективность происходящего. Взгляд со стороны, «извне» позволяет глубже проникнуть в переживания великого композитора: «Он больше не мог так жить. Он плачет по десяти раз в день. Ему страшно, никто в мире не знает, как ему страшно» [2, с. 89]. Страх становится лейтмотивом произведения. С ним связана любая жизненная коллизия: отъезд матери, разлука с Алексеем, неожиданно пришедшая популярность.

Одним из ключевых мотивов становится и мотив смерти. Столкнувшись с ней в раннем детстве, Пьер пронес воспоминания о ней через всю жизнь: «Он впервые узнал ее тень, ее свет ...и страшно, и сладко, и отвратительно, и утешно было то, что в мире этом, кроме жизни, существовала еще и она» [2, с. 33].

Внутреннее состояние человека неотделимо от его внешнего облика. Портретные характеристики в произведении Н. Берберовой, как правило, содержат психологическую составляющую. При этом биограф не дает целостного портрета героя. Он складывается из отдельных деталей. Примечательно, что с годами портрет меня-

ется, однако некоторые черты – курчавые волосы, грустные глаза, стеснительность – остаются неизменными.

Раскрыть внутреннее состояние героя, его мысли и чувства, переданные от первого лица, помогают биографу отрывки из дневниковых записей Чайковского, которые позволили заглянуть в потаенные уголки его души.

Н. Берберова не забыла упомянуть о той «тайне», с которой были связаны переживания великого композитора. Причем, рассказ биографа об этой «тайне» не имеет ничего общего с тем, что К.Г. Юнг охарактеризовал как «chroniquescandaleuse» (скандальная хроника). Н. Берберова говорила о ней косвенно, ни разу не раскрывая и не называя ее. Здесь на помощь и приходит «взгляд изнутри», в частности, дневниковые записи: «...я должен всеми силами бороться со своей природой. Я сделаю все возможное, чтобы в этом году жениться» [2, с. 87]. О своей «тайне» Чайковский не рассказывал никому, кроме своего дневника. Она и наложила на него ту маску, которую композитор носил всю жизнь. Избавление от нее пришло лишь в минуту смерти: «Глубокой ночью на 25-е октября глаза его вдруг раскрылись. Он еще раз взглянул на Боба, еще раз на стоявших тут Модеста и Николая. ...Потом глаза его закатились, неподвижное лицо стало таким, каким его однажды видел Рахманинов – без маски» [2, с. 202].

Можно смело утверждать, что Н.Н. Берберовой удалось в своем произведении создать целостный образ великого композитора, используя широкий пласт документального наследия и осмысливая доктрины современного ей времени, что придает биографии увлекательность и особый колорит. На это обратил внимание один из первых рецензентов ее берлинского издания М. Цетлин, писавший в 1936 году: «На основании труда Чайковского и многочисленных других материалов, опубликованных в последние годы, на основании отчасти и расспросов людей, лично знавших Чайковского, она дала живой образ Чайковского, и книга ее, не будучи вымыслом, читается с увлечением, как роман» [6, с. 469].

Литература

1. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.

2. *Берберова Н.* Чайковский; Железная женщина: Романы-биографии. М., 1997.

3. *Woźniak Anna.* Литературные биографии Нины Берберовой: личность в свете психологии творчества // <https://docplayer.ru/48991225-Literaturnye-biografii-niny-berberovoy-lichnost-v-svete-psiologii-tvorchestva.html> (дата обращения - 6.02.2019).

4. *Попов Д.А.* Влияние психоаналитических представлений о человеке на развитие искусства XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 3.

5. *Соловьев В.* Был ли Фрейд великим писателем? // Иностранная литература. 1990. № 6.

6. *Цетлин М.* [Рецензия] // Современные записки. Париж, 1936. № 61.

7. *Чайковский П.И.* Письмо Н.Ф. фон Мекк от 24 июня 1878 года // <https://ru.wikisource.org/wiki/>(дата обращения – 21.02. 2019)

**Участники VI Шагиняновских чтений. 5 апреля 2019 года.
г. Ростов-на-Дону. Музей Русско-армянской дружбы
Автор снимка – член союза художников С.А. Назарян**

**Выступление с сообщением Рузанна Арутюнян и Богданы Мельситовой на VI Шагиняновских чтениях. 5 апреля 2019 года.
Автор снимка – старший научный сотрудник отдела «Музей русско-армянской дружбы» С.С. Козлов**

**Участники VI Шагиняновских чтений. 6 апреля 2019 года.
г. Ростов-на-Дону. Музей Русско-армянской дружбы
Автор снимка – член союза художников С.А. Назарян**

**Участники VI Шагиняновских чтений. 12 апреля 2019 года.
Ростовская область, Мясниковский район, пос. Чалтырь.
Автор снимка – М.Н. Ким**

НАШИ АВТОРЫ

Алехин Сергей Владимирович, заслуженный деятель Всероссийского музыкального общества, г. Ростов-на-Дону.

Арутюнян Рузанна, ученица 7 класса СШИ № 28, г. Ростов-на-Дону.

Беленький Геннадий Леонидович, член Союза журналистов России, г. Ростов-на-Дону.

Белов Анатолий Викторович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Василевич Наталья Александровна, научный сотрудник отдела «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Дмитрова Анна Владимировна, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, директор лицея при ЮФУ, г. Ростов-на-Дону.

Журавлева Мария Евгеньевна, профессор Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (МСА) международная общественная организация, г. Ростов-на-Дону.

Карельская Людмила Петровна, кандидат философских наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Карнаухова Вера Николаевна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 27. г. Шахты.

Козлов Сергей Сергеевич, старший научный сотрудник отдела «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Куликова Галина Николаевна, директор Ростовского областного музея краеведения, заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону.

Матвеев Герман Аронович, кандидат исторических наук, профессор Института переподготовки и повышения квалификации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Мельситова Богдана, ученица 7 класса СШИ № 28, г. Ростов-на-Дону.

Осипова Татьяна Осиповна, кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Паламарчук Евгений Александрович, профессор, заведующий кафедрой Ростовского государственного университета юстиции, г. Ростов-на-Дону.

Соколова Маргарита Юрьевна, заведующая отделом «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Спирина Мария Алексеевна, ученица 10 класса МБОУ СОШ № 27 г. Шахты.

Тикиджьян Руслан Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г.Н. Куликова</i> ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ VI «Шагиняновских чтений».....	3
<i>Члены Оргкомитета «Шагиняновских чтений»</i> ПАМЯТИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВИЧА АВДУЛОВА.....	5

Доклады участников VI «Шагиняновских чтений»

5 апреля 2019 г.

<i>А.В. Белов</i> М.С. ШАГИНЯН О НАРОДНОМ ВОСПРИЯТИИ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА (к 220-летию со дня рождения великого русского поэта).....	6
<i>Г.А. Матвеев</i> НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ В ВОСПОМИНАНИЯХ М.С. ШАГИНЯН.....	12
<i>М.Ю. Соколова</i> ПИСЬМА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ. А.Я. КОЦ.....	18
<i>Н.А. Василевич</i> МАГДАЛИНА ШАГИНЯН. «БЕЛЫЕ ПЯТНА» В БИОГРАФИИ РОДНОЙ СЕСТРЫ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН (к постановке вопроса).....	23
<i>Рузанна Арутюнян, Богдана Мельситова</i> ЯКОВ САМСОНОВИЧ ХАЧАТРЯНЦ.....	41
<i>С.С. Козлов</i> ЕРВАНД ШАХАЗИЗ И ЕГО СЛУЖБА В НАХИЧЕВАНО-БЕССАРАБСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.....	46
<i>Г.Л. Бельский</i> ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН И ВЕРЫ ПАНОВОЙ КАК ИСТОЧНИК КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О РОСТОВЕ-НА-ДОНУ И НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКОВ.....	50
<i>М.Е. Журавлева, С.В. Алехин</i> «МИЛАЯ РЕ» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ С.В. РАХМАНИНОВА. ПОЭЗИЯ МУЗЫКИ.....	62

6 апреля 2019 г.

<i>Т.О. Осипова</i> ТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН.....	71
<i>Е.А. Паламарчук</i> ЗИНАИДА ГИППИУС И ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ МАРИ- ЭТТЫ ШАГИНЯН.....	76
<i>Р.Г. Тикиджьян, В.Н. Карнаухова, М.А. Спирина</i> М.С. ШАГИНЯН О ТЕАТРЕ И ТЕАТРАЛЬНОМ ИС- КУССТВЕ.....	85
<i>Л.П. Карельская</i> ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕН- ЩИНЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по страницам газеты «Приазовский край»).....	94
<i>А.В. Дмитрова, Т.О. Осипова</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В КНИГЕ НИНЫ БЕР- БЕРОВОЙ «ЧАЙКОВСКИЙ. ИСТОРИЯ ОДИНОКОЙ ЖИЗНИ».....	98
НАШИ АВТОРЫ.....	108

Научное издание

М.С. ШАГИНЯН И ЕЕ СОВРЕМЕННОКИ
Материалы VI Шагиняновских чтений
5–6, 12 апреля 2019 года

Ответственные за выпуск – *Г.А. Матвеев, М.Ю. Соколова,*
Н.С. Авдулов

Литературная редакция, компьютерная верстка и оригинал-макет – *А.В. Белов*

Сдано в набор 19.08.2019. Подписано в печать 30.08.2019.
Печать цифровая, гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 5,2.
Формат набора 60х84/16. Тираж 550 экз. Заказ № 265.

Отпечатано в типографии
ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 111.
Тел. 8-918-570-30-30